ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 14 (2397) Среда, 18 февраля 1948 г. Цена 40 коп.

Творить во имя народа

Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» от 10 февраля 1948 года проникнуто мудрой заботой партии о повышении роли и значения социалистического искусства в нашем советском обществе. Это постановление, с партийной ясностью указывающее пути развития советской музыкальной культуры, имеет глубокое принципиальное значение для всех видов художественного творчества.

По духу, по силе и остроте большевистской мысли оно находится в прямой связи с такими решениями ЦК партии о литературе и искусстве, как постановление от 14 августа 1946 года и доклад товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», постановления о кинофильме «Большая жизнь» и о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению. Постановление об опере «Великая дружба» продолжает и развивает линию партии в искусстве в одной из значительнейших его областей—в области музыки.

Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» с исчерпывающей полнотой и ясностью осветило сущность, роль и назначение искусства в советском обществе. Оно со всей ясностью подчеркнуло, что литературное дело, дело искусства в нашей стране составляет часть общепартийного, общенародного дела — строительства коммунизма. Литература, кино, театр являются могучим средством советского государства в деле воспитания советских людей, особенно молодежи.

ЦК партии в своих решениях остро поставил вопрос о борьбе с безидейностью, аполитичностью в литературе и искусстве. Центральный Комитет обратил особенное внимание деятелей советской литературы, театра и кино на борьбу со всякого рода влияниями низкопоклонства перед растленной буржуазной культурой Запада, на необходимость занять в этой борьбе активную наступательную позицию, разоблачать и бичевать насквозь прогнившую, разлагающуюся буржуазную культуру.

Вдохновляющее, идейно-воспитательное значение исторических постановлений, их принципиальное значение для всех областей советского искусства прошло мимо деятелей советской музыки. Вопреки тем указаниям, какие были даны Центральным Комитетом ВКП(б) в его решениях о литературе и искусстве, в музыке не было произведено никакой перестройки.

Это тем более недопустимо, что еще более десяти лет назад, в 1936 году, в связи с появлением оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», в органе ЦК ВКП(б) газете «Правда» было указано на антинародные, формалистические извращения в творчестве этого композитора, разоблачены вред и опасность формалистического направления для судеб советской музыки и ясно сформулированы те требования, которые советский народ пред'являет к своим композиторам.

Однако в музыкальной среде не только не велось решительной партийной борьбы с вредным и опасным направлением, но это антинародное, формалистическое направление распространилось среди советских композиторов. ЦК ВКП(б) указывает, что отдельные успехи некоторых советских композиторов в области создания новых песен, нашедших признание в народе, в области создания музыки для кино не меняют общей картины неблагополучного состояния современной советской музыки. Особенно плохо обстоит дело в симфоническом и оперном творчестве.

Провал оперы В. Мурадели тесно связан с неблагополучием на музыкальном фронте вообще. Формалистическое направление в музыке нашло свое наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др.

В своем постановлении Центральный Комитет указывает, что творчество этих композиторов, характерными признаками которого являются отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, отказ от мелодии, полифонической музыки и пения, увлечение однотонной, унисонной музыкой и пением,—ведет к обеднению и упадку музыкального искусства. Их музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей распад буржуазной культуры.

Представители этого направления, попирая и отвергая лучшие традиции русской и западной классической музыки, как якобы «устаревшие», «старомодные», «консервативные», оторвались от запросов и художественного вкуса советского народа, замкнулись в узком кругу музыкальных гурманов. Высокая общественная роль музыки была снижена, ее значение сужено и ограничено удовлетворением извращенных вкусов эстетствующих индивидуалистов.

Постановление ЦК ВКП(б) констатирует совершенно нетерпимое состояние музыкальной критики, в среде которой руководящее положение занимают противники русской реалистической музыки. Музыкальная критика, славословящая суб'ективизм, конструктивизм, крайний индивидуализм и профессиональное усложнение музыкального языка, перестала выражать мнение советской общественности, мнение народа.

Неизмеримо велико значение этого постановления. Оно призывает советских композиторов проникнуться сознанием высоких запросов, которые пред'являет народ к музыкальному творчеству, обеспечить такой под'ем творческой работы, который бы двинул вперед советскую музыкальную культуру. Нет никакого сомнения в том, что наши композиторы, будучи верными партийным принципам в искусстве, создадут во всех областях музыкального творчества произведения, достойные советского народа.

В точных формулировках постановления ЦК ВКП(б) содержится программа развития советской музыкальной культуры, имеющая непосредственное значение для развития советского искусства в целом, литературы социалистического реализма в особенности.

Развитие советской литературы совершалось в острой борьбе со всякими враждебными буржуазными влияниями, в том числе с бездушным формализмом, превращающим литературу в средство услаждения небольшой кучки эстетствующих гурманов. Следы формализма доселе можно обнаружить в творчестве отдельных советских литераторов, особенно в поэзии. Постановление ЦК партии о музыке наносит сокрушительный удар всяким, еще бытующим и в литературной среде мнениям о том, что формалистические приемы и кунстштюки имеют право на существование в советском искусстве. Формалистическое направление—антинародное, антидемократическое направление. Всякие попытки протащить формализм, которые еще имеются в нашей советской литературе и критике, должны быть решительно осуждены. В литературной критике и в литературоведении дает себя знать деятельность противников русской реалистической литературы и ее демократических традиций.

Всякое формалистическое «новаторство», по сути дела, является ложным новаторством, ведет к вырождению искусства. Есть лишь одно подлинное новаторство—умение отобразить великолепную нашу социалистическую действительность в ее ведущих чертах, с глубиной и ясностью партийного художника, вооруженного коммунистическим мировоззрением.

Массовость, какую приобрело в наших советских условиях искусство, требует органического сочетания высокой содержательности художественного произведения с совершенством его формы, с простотой и доступностью для широких кругов советского народа. В этой связи особое значение приобретает прогрессивная роль классического наследства—наследства, оставленного великой русской литературой. Подобно классической русской музыке, наша классическая литература отличалась внутренней содержательностью, народностью, изящной, красивой, ясной формой.

Народность—одна из обязательных черт метода социалистического реализма, черта, органически присущая этому методу.

Великая партия Ленина—Сталина олицетворяет собой «ум, честь и совесть нашей эпохи» (В. И. Ленин). Самое понятие народности стоит в неразрывной связи с понятием партийности искусства.

В нашей стране представителям всех родов и видов искусства предоставлены неограниченные творческие возможности. Такого читателя, зрителя, слушателя, каким является наш советский народ—народ-герой, народ-созидатель, первым пролагающий путь к счастью всего человечества, не знал ни один художник прошлого. Священный долг деятелей советского искусства—способствовать своим трудом расцвету передовой социалистической культуры, создавать произведения, достойные нашего великого народа.

На собрании московских композиторов

Московские композиторы, музыкальные критики и музыковеды собрались вчера в зале заседаний Союза советских композиторов, где происходило обсуждение постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели».

Открывая собрание, В. Захаров указал на огромное историческое значение для судеб советской музыки постановления ЦК ВКП(б). В этом постановлении подвергнуто суровой и справедливой критике порочное, антинародное, формалистическое направление в ряде произведений советских композиторов.

— Появление в репертуаре Большого театра, после десятилетнего перерыва, новой советской оперы «Великая Дружба»,—сказал в своем докладе композитор тов. Хренников,—принесло нам сильное разочарование. Эта опера уводит советскую музыку в сторону от того реалистического пути, начало которого ознаменовала опера И. Дзержинского «Тихий Дон».

— Советская общественность неоднократно высказывала свое недоумение, а иногда и протест против сложной и непонятной музыки, — заявил далее тов. Хренников.— В этом смысле показателен провал большинства произведений, написанных в последнее время: опера «Великая дружба» В. Мурадели, «Праздничная поэма», кантата «Расцветай; могучий край» и шестая симфония С. Прокофьева, «Патетическая увертюра» и кантата «Кремль ночью» Н. Мясковского, «Поэма о родине» Д. Шостаковича, «Симфония-поэма» А. Хачатуряна. Во всех этих произведениях наблюдалось увлечение формалистическим искусством, применялись сложные оркестровые комбинации, не свойственные классической музыке. Извращения, наблюдающиеся в современном советском музыкальном творчестве,—наследие модернистического искусства, реакционного по своей природе.

— Постановление ЦК ВКП(б), — говорит докладчик, — наносит решительный удар по антинародному, формалистическому направлению, распространившемуся в советской музыке, и открывает дорогу нашему искусству в целом. Одновременно оно направляет советскую музыку на реалистический путь, связанный с освоением и развитием лучших традиций музыкальной классики и музыкального творчества народов СССР, на путь создания подлинно демократического искусства.

В прениях с критикой своих ошибок выступил композитор Вано Мурадели.

— Справедливая и суровая оценка оперы «Великая дружба», — сказал он, — заставила меня глубоко продумать причины моих ошибок. К этим ошибкам меня привели погоня за ложным новаторством, недостаточное изучение и освоение русской и западной классической музыки, излишняя самонадеянность.

— Я сознаю свою ответственность за все свои ошибки, — заявил в заключение Мурадели, — и всем сердцем буду стремиться исправить их.

На собрании было зачитано также письмо отсутствовавшего по болезни композитора С. Прокофьева. В письме он признает правильность суровой критики формалистического направления в музыке и анализирует истоки своих ошибок. С. Прокофьев заверяет, что в своей новой опере на сюжет книги Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» он постарается претворить в жизнь указания ЦК ВКП(б) и широко использует великие традиции классического наследия и истоки русской народной песенной культуры.

Собрание композиторов продлится несколько дней.

Ближе к истокам народного творчества

Почему дороги нашему сердцу произведения великих музыкальных классиков—Чайковского, Глинки, Бородина, Мусоргского? Потому что их творчество глубоко уходит своими корнями в народ. Именно в этом и сила русского классического искусства и именно этого нет в музыке некоторых советских композиторов. По своей сумбурности, атональности, дисгармоничности и, конечно, присущему ей формализму их музыка не только не воспринималась широкими массами, но совершенно не была понятной и нам, работникам искусства.

Нелепа и, я бы сказал, реакционна концепция некоторых композиторов, которые считают, что «народ не дорос до понимания серьезной музыки». Да, народ, действительно, не понимал их музыку и не хочет понять, ибо их произведения антинародны. Между тем, наблюдая, как реагирует народ на русские песни с любимыми и понятными ему мелодиями, песни, отображающие величие и героику нашей эпохи, нашу жизнь и борьбу, я убеждался, что народность, правдивость и простота этих песен и являлись основными факторами их успеха у слушателей.

Крупнейшие музыкальные авторитеты мира признали, что по выразительности нет лучших песен, чем русские. Бетховен, например, написал несколько струнных квартетов, в которых использовал русские народные мотивы. У него же есть фортепианные вариации на русскую тему. В мировую сокровищницу музыки русские композиторы внесли свой самобытный вклад, основанный на музыкальном фольклоре. Советские композиторы должны продолжить это великое дело и окончательно отрешиться от рабского подражания формалистам Запада.

Приходится признать, что и мы, люди, имеющие прямое отношение к музыкальному искусству, были слишком не смелы, не смогли предупредить появление чуждых нашему народу музыкальных произведений. Союз композиторов, к сожалению, не был тем центром, где бы обсуждались узловые вопросы нашей творческой жизни, вопросы развития нашего народного искусства. Я не могу назвать имени какого-либо советского композитора, который систематически занимался бы собиранием песенного фольклора и глубоким изучением его, как это делали Балакирев, Чайковский, Римский-Корсаков.

Наш народ пред'являет к нам высокие требования. Наш долг выполнить их! Историческое решение ЦК ВКП(б) поможет нам это сделать в кратчайший срок.

А. СВЕШНИКОВ,
лауреат Сталинской премии, народный артист РСФСР.

Против ложного новаторства

Читая постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», я испытал чувство огромного внутреннего удовлетворения.

Искусство должно быть содержательным, идейно-направленным. Величайшие мастера музыки в совершенстве владели средствами выражения: мелодией, гармонией, ритмом. Язык музыки усложнялся в соответствии с образами. Голоса, переплетаясь, заполняли и поддерживали друг друга. Гармония обогащалась, но мысль и форма продолжали оставаться ясными, и глубина чувства поражала нас. Так воспринимаем мы произведения Глинки и Чайковского, Баха и Бетховена.

Совсем другое впечатление оставляют произведения Шостаковича и других композиторов, упомянутых в постановлении ЦК ВКП(б). Мне довелось слышать оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», некоторые его симфонии и другие произведения. Все это я воспринимал, как нагромождение хаотических звуков, главным образом ударного характера, джазового. Конечно, ничто не затронуло меня, только действовало утомляюще.

Джаз, музыка американского ресторанного пошиба, с чрезмерным увлечением ударными инструментами отводит от хороших традиций в пении и инструментальной музыке. Я с болью в душе констатирую это явление. Куда девалась песня задушевная, протяжная или веселая, так много выражавшая! Джаз, как сорная трава, глушит народное музыкальное творчество. Взамен наших родных песен, отличающихся необычайной глубиной чувства и простотой, внедряется этот антинародный жанр—джаз, где все манерно, изломано и совершенно нам чуждо.

Современные наши пианисты и композиторы обузили природу рояля, этого необычайно богатого инструмента. Игнорируя его певучесть, они навязывают ему функции ударного инструмента, выпятив вперед это его второстепенное качество.

Постановление ЦК ВКП(б) указывает пути к подлинному развитию и расцвету нашего советского музыкального искусства. Вот почему я приветствую этот исторический документ.

Художник А. КУПРИН.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Сорок лет назад, когда в Милане, в театре ла Скала, этой цитадели итальянского оперного искусства, впервые прозвучал «Борис Годунов» Мусоргского, газета «Корьере делла Серра» писала:

«...мы точно заблудились среди развалин нашей эстетики, подавленные мощью искусства, которое развертывалось перед нами с необычайной силой творчества и проникновения».

Так писали музыкальные критики в стране, где до этого времени полновластно царили Верди, Мейербер, где десятилетиями утверждали славу итальянской оперы превосходные певцы и певицы — мастера бельканто.

Разве можно забыть триумф Чайковского в Европе, ту великую славу, которую завоевала за рубежом русская симфоническая и оперная музыка!

Вспоминая триумфальное шествие русской классической музыки за рубежами нашей страны, целиком присоединяешься к справедливым словам постановления Центрального Комитета ВКП(б) о том, как унизительно подражали некоторые наши композиторы европейским образцам, какое недостойное низкопоклонство перед Западом проявляли они, стараясь попасть в тон тому, что было последним криком моды у рафинированной, эстетской публики концертных зал Лондона, Нью-Йорка и Парижа.

Радио сделало музыку доступной миллионам слушателей. Артист-виртуоз, или певец, или дирижер, выступающий перед микрофоном, ощущает особое волнение. Он с трудом может вообразить себе этот необ'ятный «концертный зал», многомиллионную массу слушателей, перед которой выступает. Здесь и академики и металлисты, учителя и звеньевые колхозов, здесь люди, для которых музыка—радость и праздник. Вряд ли есть народ в мире, который любил бы песню, музыку больше нашего народа. И когда из рупора радиоприемника вместо волнующих, стройных созвучий, вместо летящего ввысь звучания скрипки—этого благороднейшего инструмента—раздается нелепый поросячий визг и это выдается за скрипичный концерт, можно себе представить недоумение и досаду миллионов слушателей.

В симфонических произведениях классиков русской музыки часто звучат народные мелодии. Чайковский вводил в свою симфонию старинную русскую песню «Во поле березынька стояла». Народная мелодия — одна из чудесных тем фортепьянного концерта Рахманинова. Поэтому эти композиторы любимы народом. И когда раздаются ликующие, исполненные радости бытия аккорды их лучших произведений, — нет человека, который бы не ощутил силы и гениальности искусства, равно понятного всем народам, искусства поистине интернационального. Но есть и другая музыка, о которой говорит Сальери у Пушкина.

«Музыку я раз'ял как труп...»

И эта дикая, раздражающая музыка, напоминающая ту какофонию, которая раздается в оркестре в то время, когда музыканты настраивают инструменты, выдается за нечто новое, оригинальное.

Если какой-нибудь скромный ценитель музыки осмеливался признаться в том, что он не понимает произведений Шостаковича или Прокофьева и других, что их музыка не доставляет ему никакой радости, — его грубо обзывали невеждой, а критики в экстазе славословили очередной опус, терзающий уши беззащитных слушателей.

...Повеяло свежим ветром! Это почувствовали все, кто любит музыку, песню, кто по-настоящему ценит наше великое музыкальное искусство.

Лев НИКУЛИН

Будем изучать и развивать классическое наследие

Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» глубоко затрагивает интересы широких масс, культурные запросы которых неизмеримо возросли за годы советской власти.

Музыка — один из древнейших видов искусства. Близкая и понятная народу, она «строить и жить помогает», вдохновляет творческий труд миллионов советских людей, призывает к героическим подвигам. Вспомним, какие чувства вызывают у нас песни революции, с которыми наш народ шел на Октябрьский штурм. В музыке, в песне проявляются дух нашего народа, его революционный размах, демократичность, гуманизм. Поэтому требования к музыке в нашей стране так велики, и поэтому постановление ЦК ВКП(б) близко чувствам всего нашего народа.

Это постановление заставляет глубоко задуматься всех работников советского искусства, в том числе и нас, архитекторов. Архитектура — не менее древнее искусство, чем музыка. С архитектурой связана жизнь человека от рождения до глубокой старости: мы работаем, творим, отдыхаем в окружении произведений архитектуры. Удовлетворяя самые насущные материальные потребности людей, архитектура обладает величайшей силой эмоционального воздействия на человека.

Москвичи и те, кому посчастливилось побывать в столице, знают, какое радостное чувство вызывает наш Кремль, возникающий в солнечное утро перед взором советского человека; как торжественно выглядит Красная площадь, окруженная замечательными произведениями русской архитектуры.

Мы обязаны с глубоким знанием дела развивать принципы классических произведений архитектуры, в которых глубокое народное содержание гармонично сочеталось бы с прекрасной, ясной и простой формой.

Постановления Центрального Комитета ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о кинофильме «Большая жизнь», о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению, наконец, последнее постановление о музыке дают всем работникам советского искусства направление в творческой деятельности. Мы, зодчие великой сталинской эпохи, должны создавать произведения, в которых борьба советского народа за построение коммунистического общества будет выражена в монументальных, простых, цельных и изящных образах архитектуры.

Б. ИОФАН,
действительный член Академии архитектуры СССР.

Учиться у великих русских музыкантов

Мудрое постановление ЦК ВКП(б) — прочный фундамент для возрождения подлинно народной, всем понятной музыки. Оно знаменует новую эру русского музыкального искусства.

Музыка некоторых советских композиторов чрезвычайно усложнена с точки зрения гармонии и мелодии. Была боязнь писать просто, чтобы не прослыть «отсталым» и «эклектиком».

Зачастую оркестровка произведений перегружалась, что вызывало у слушателей утомление и приводило к недостатку контрастов в звучании. Особенно это сказывалось в произведениях крупных форм—в операх и балетах.

В операх наших композиторов применяется недопустимый прием, когда вначале пишут музыку в фортепианном изложении, а потом подписывают к ней партию вокала. В результате исполнитель скован как ритмом, так и сопровождаемым звучанием. Часто авторы музыки не считаются с тембром голоса исполнителя, а отсюда возникают трудности назначения певца на ту или иную роль. Композиторы не должны бояться заглядывать в партитуры Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова и совершенствоваться по образцам их лучших произведений.

Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» дает большие возможности нашим композиторам и особенно нашей талантливой композиторской молодежи проявить свое творчество в более широких масштабах.

В. НЕБОЛЬСИН,
заслуженный артист РСФСР, профессор.

Большие идеи и глубокие чувства—в основу искусства

Как в ярко вспыхнувшем свете, видишь в постановлении Центрального Комитета партии «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» и наше прошлое, и ошибки недавнего времени, и, самое главное, сильной рукой намеченный путь.

Русская литература на рубеже двух веков передала знамя Пушкина, Льва Толстого, Тургенева, Чехова — Максиму Горькому.

В музыке не было в ту эпоху фигуры, равновеликой Максиму Горькому. Позиции декаданса, модернизма и формализма оказались в музыкальном творчестве прочней и, к сожалению, разнообразней. Под могучим влиянием сил социализма творчество выдающихся музыкантов, сформировавшихся еще до революции, менялось, однако во многом оно оставалось и неизменным, обнаруживая упрямую стойкость. Они продолжали культивировать то, что принесли с собой.

Когда перед нашей одареннейшей молодежью раскрылись двери консерваторий, можно было ждать, что она уверенно проложит свой путь, идя в ногу с народом. Однако влияния, которым она подвергалась, влияния учителей оказались значительными. Прибавим к этому влияние Запада, его оголенную безидейность и бездушную пустоту. Очень многие композиторы оказались отравленными ядом узкого техницизма и умственных изысков. Они, в поисках новизны, раздробили мелодию и обескровили ее. Намек выдавался за воплощение, а вскользь брошенная в музыке мысль — за основную идею. В своем пристрастии к атональности композиторы свободно совершали любые тональные скачки, но слух слушателей за ними не следовал.

Осудив модернизм, формализм и декаданс, мы воссоединяем большое искусство прошлого с искусством наших дней. Имена Глинки и Моцарта, Чайковского и Баха становятся еще чище, а свет их творчества сильней и ярче. Тот гнилой канал, который прорыл символизм, а за ним пытался углубить декаданс, закрыт. Нашему музыкальному искусству возвращается та его цельность, которая рождала гениев прошлого.

Постановление Центрального Комитета требует от музыки, чтобы она вернула нам свою великую тайну — способность волновать и увлекать. Это решение восстанавливает слушателя в его правах.

Основу искусства всегда составляли большие идеи и глубокие чувства. Признания узкой эстетствующей группы судей недостаточно для того, чтобы получить признание народа. Картонные перегородки убраны, и сегодня снова советский художник глядит в глаза своему народу.

Честь музыканта и его достоинство требуют, чтобы народ услышал его, принял и признал.

Постановление Центрального Комитета потребует от деятелей искусства очень большой работы. Нужны важнейшие перемены в консерваториях, в Союзе композиторов. Эти перемены никак не могут пройти и мимо Союза писателей. Решение нашей партии еще острей и ответственней заставляет думать нас всех о типе художника нашей эпохи, о его этическом и эстетическом кругозоре, о его связи с народом, с родиной социализма, с мировой культурой, за судьбы которой он отвечает сегодня больше всех.

О. ЧЕРНЫЙ.

Под знаком современности

Театру им. Ленинского комсомола — 20 лет

Общественность Москвы отмечает двадцатилетие со дня основания одного из самых популярных столичных театров—Театра имени Ленинского комсомола. Правительство высоко оценило его заслуги в развитии советской художественной культуры, наградив театр орденом Трудового Красного Знамени.

Когда-то молодые рабочие московских заводов, участники кружков художественной самодеятельности, составили небольшую труппу, игравшую в помещении кинотеатра «Уран» на Сретенке. Артисты днем работали на производстве, а вечерами репетировали, учились, строили декорации, играли в спектаклях.

Молодой коллектив не сразу овладел мастерством, он долго искал свою дорогу в искусстве. Партия и комсомол потребовали от него серьезной творческой работы, помогли театру преодолеть заблуждения и ошибки ранней молодости. В 1933 году по решению МК ВКП(б) в театр пришла группа актеров МХАТ во главе с И. Судаковым. В этот период на сцене театра появилась первая в нашей стране инсценировка романа «Как закалялась сталь».

Наиболее плодотворный период в жизни театра начался 10 лет тому назад, когда его художественным руководителем стал И. Берсенев, а вместе с ним начали работать опытные мастера, воспитанники МХАТ—С. Бирман, С. Гиацинтова и другие. С этого времени театр уверенно вступает на путь творческого роста. Труппа пополняется новыми талантливыми актерами, начинается систематическая работа по воспитанию коллектива в духе реалистических традиций русского искусства.

Театр стремился итти в ногу со временем, подчиняя свою деятельность задачам коммунистического воспитания молодежи. На этом пути у театра бывали неудачи и срывы, но основная его линия совпадала с требованиями советского зрителя: театр равнялся на большое искусство современности, на выдвижение острых вопросов, волнующих молодежь, на реалистическое изображение жизни.

В Театре имени Ленинского комсомола установилась хорошая традиция творческой дружбы и совместной работы с драматургами. На его сцене впервые появилась первая пьеса К. Симонова, а затем были поставлены четыре его новые пьесы. Театр привлек в драматургию Б. Горбатова, сыграл пьесы Н. Погодина, А. Корнейчука, Б. Лавренева, И. Штока и многих других драматургов.

К числу наиболее значительных работ театра относятся его спектакли, поднимающие тему борьбы с международной реакцией, с фашизмом. Почти 15 лет назад здесь была поставлена антифашистская пьеса А. Бруштейн «Продолжение следует». С тех пор театр не раз возвращался к этой теме в таких спектаклях, как «Мой сын» Ш. Гергеля и О. Литовского, «Новый порядок» Ф. Вольфа, «Под каштанами Праги» К. Симонова. В послевоенные годы в спектаклях «Русский вопрос» и «Губернатор провинции» братьев Тур и Л. Шейнина театр вновь привлекает внимание зрителей к актуальным политическим вопросам. Эти спектакли воспитывают молодежь в духе непримиримой ненависти к фашизму, к его сторонникам в Европе и Америке.

Большое место в репертуаре театра занимает русская и западная классика. Такие спектакли, как «Живой труп» Толстого и «Месяц в деревне» Тургенева, «Васса Железнова» и «Зыковы» Горького, «Нора» Ибсена и «Сирано де Бержерак» Ростана, свидетельствуют о высокой профессиональной культуре театра, о его умении выбрать из богатств мировой драматургии пьесы наиболее значительные в художественном отношении.

Много и плодотворно работал театр в годы Отечественной войны. Силами его артистов были осуществлены сотни спектаклей на фронтах и свыше тысячи концертов в госпиталях для раненых бойцов и офицеров. В 1946 году коллектив театра с успехом представлял советское искусство в Югославии.

Театр имени Ленинского комсомола молод, как молоды его зрители.

На пороге новых десятилетий пожелаем театру, носящему славное имя комсомола, еще крепче дружить с молодежью, еще успешнее работать с советскими драматургами и писателями над современной темой, не забывая о главной задаче, которая стоит перед нашим искусством, — создать правдивый образ передового советского человека, подлинного героя нашей великой эпохи.

В. ВИКТОРОВ

К 100-летию „Манифеста Коммунистической партии“

ВЕЛИКАЯ ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ

Акад. М. МИТИН

I.

«Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса — одно из самых выдающихся созданий человеческого гения, вдохновеннейшее произведение великих основоположников пролетарской идеологии.

«Манифест» был первой научно выраженной программой борьбы рабочего класса за ниспровержение капиталистического строя и построение коммунистического общества. Это было гениальное обоснование всемирно-исторической роли рабочего класса.

Создание научного коммунизма означало величайшую революцию в области политических, философских, экономических, исторических идей и взглядов. Научный коммунизм — самое глубокое революционное учение во всей мировой истории — означал, по словам Маркса и Энгельса, самый решительный разрыв с идеями, унаследованными от прошлого. Общественное значение научного коммунизма, его вдохновляющая и преобразующая роль в истории человечества не сравнимы ни с какими предшествовавшими ему теориями, идеями, учениями.

Представляя интересы рабочего класса — класса, которому принадлежит будущее, и научно формулируя его задачи, творцы «Манифеста» Маркс и Энгельс во всех областях общественной науки высоко поднялись над господствовавшими до них взглядами, вскрыли внутренние противоречия буржуазного общества, его язвы и пороки и указали рабочему классу путь к победе над строем наемного рабства.

«Социалистические мечтания, — писал Ленин, — превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание».

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс изложили основы нового мировоззрения — диалектического и исторического материализма.

Применив метод исторического материализма к истории, они впервые дали научно обоснованную картину развития человечества, характеристику общественно-экономических формаций, сменявших друг друга в истории. Они показали, что во всех общественных формациях, с тех пор как первобытно-общинный строй сменился классовым обществом, происходила острейшая классовая борьба, заканчивавшаяся революционным переходом от одной общественной формации к другой. С научной точностью они установили неизбежность и неминуемость крушения капитализма и замены его коммунистическим строем.

Весь «Манифест Коммунистической партии» пронизан идеей насильственного свержения буржуазии, идеей диктатуры пролетариата, хотя самого термина «диктатура пролетариата» Маркс и Энгельс в тот период еще не употребляли.

«Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, — пишут они в «Манифесте», — мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии».

«Пролетариат использует, — писали они, — свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».

Маркс и Энгельс высказали в «Манифесте» замечательные мысли о роли коммунистов — передового отряда рабочего класса. Они подвергли критике имевшие хождение в середине XIX столетия утопическо-социалистические и лжесоциалистические учения и противопоставили всем им точку зрения научного социализма. Беспощадно разоблачали они лицемерные фразы о свободе и равенстве в условиях буржуазного строя. Они дали глубочайшую критику буржуазной идеологии.

«Манифест Коммунистической партии» сочетает высокую научность с прекрасной, полной силы и красоты, филигранно отделанной формой изложения. Эта книга — образец идейной непримиримости по отношению ко всякого рода мелкобуржуазным шатаниям и утопическим иллюзиям, она проникнута страстной ненавистью к эксплоатации и угнетению народных масс. Это произведение от начала до конца партийно в самом высоком значении этого слова.

II.

Столетие, прошедшее со времени выхода в свет «Манифеста», явилось исторической проверкой силы и жизненности этих идей. Ни одно из предшествовавших столетий во всей многовековой истории не было насыщено такими всемирно-историческими событиями, как это. Никогда еще темп исторического развития не был так стремителен, ни одно из предшествующих столетий не знало таких величайших классовых битв, стольких революций, таких крупных и опустошительных войн, какие были за это время.

Тридцать лет назад в нашей стране победила Великая Октябрьская социалистическая революция и началась новая эра в развитии человечества, начался тот переход от капиталистического мира к миру коммунизма, который предвидели и научно обосновали Маркс и Энгельс.

На протяжении всего этого столетия марксизм одерживал одну победу за другой. Но никогда еще живительная сила и правда учения Маркса и Энгельса, продолженного и обогащенного в трудах Ленина и Сталина, не обнаруживалась так ярко, как в нынешнее время. Крепнет и развивается великая советская держава, воплощающая в жизнь принципы научного коммунизма и достигшая на их основе величайших исторических побед.

Если практика, жизнь является критерием истинности всякой теории, то никогда еще ни одно идейное течение в мире не получало такого подтверждения, как великая теория марксизма-ленинизма.

Не успели еще просохнуть типографские знаки «Манифеста», как в Европе развернулись огромные революционные события 1848 года. Буквально на следующий день после выхода в свет «Манифеста» стали подтверждаться жизнью положения Маркса и Энгельса об антагонистических противоречиях буржуазного общества, о роли, которую должен играть рабочий класс в борьбе против буржуазии.

Кульминационным пунктом революционных событий 1848 года было июньское восстание парижских пролетариев.

Это была, говорили Маркс и Энгельс, одна из великих битв между двумя основными классами, на которые распадается современное общество.

Революция 1848 года, бурей пронесшаяся над рядом европейских стран, нанесла смертельный удар всем старым шумным, пестрым и крикливым формам домарксовского социализма. Все учения о надклассовом характере социализма, все разговоры и вымыслы о надклассовой политике потерпели полное банкротство.

Следующим крупным событием XIX века явилась Парижская Коммуна. Это был, по словам Ленина, «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века». Коммуна была первым опытом установления диктатуры пролетариата. Но опыт был кратковременным. Коммуной руководила не марксистская партия, а бланкисты и прудонисты. Однако революционный инстинкт народных масс прорывался даже вопреки ошибочным учениям, которыми руководствовались эти партии. Коммуна являлась смертельной угрозой для старого мира. Буржуазия нигде не могла спокойно спать, пока на парижской ратуше развевалось красное знамя пролетариата. Псами и свиньями старого общества Коммуна была задушена. Кровью трудящихся залила буржуазия улицы Парижа, но дело Коммуны не умерло.

Маркс высоко оценил историческую инициативу революционных масс французского народа, воспел хвалу безумно храбрым парижанам, которые «штурмовали небо». Внимательно изучил Маркс опыт Коммуны, тщательно исследовал выдвинутую пролетарской революцией форму государственной власти, при которой может произойти действительное освобождение пролетариата. Маркс увидел в Коммуне первую попытку сломать буржуазную государственную машину и найти новые формы организации, способной ее заменить. Русские революции 1905 и 1917 годов продолжили дело Коммуны в новых исторических условиях, подтверждая вместе с тем гениальный анализ Маркса.

III.

В конце XIX—начале XX века наступает новая историческая эпоха — эпоха империализма и пролетарских революций. Из прогрессивного капитализм становится реакционным. Свободная конкуренция сменяется господством монополий. Они приобретают решающее значение в жизни капиталистических государств. Происходит сращение промышленного капитала с банковским. Мир оказывается поделенным между основными капиталистическими государствами. Прежний период сравнительно плавного развития капитализма сменяется периодом его скачкообразного и катастрофического развития.

Все антагонистические противоречия, присущие капитализму, обостряются до крайности. Капитализм развил производительные силы настолько, что они уже не могут развиваться в старой общественной форме. Человечеству, говорил Ленин, либо предстоит перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу великих держав за искусственное сохранение капитализма посредством угнетения, колоний, монополий, привилегий и всяческого рода национального гнета.

В новой исторической обстановке, сложившейся к началу XX века, по-новому встали важнейшие вопросы революционной борьбы пролетариата. Центр революционного движения перемещается в Россию. Вожди русских большевиков — Ленин и Сталин — продолжают и развивают марксизм в эту новую историческую эпоху. Наша родина становится родиной ленинизма.

Ленин и Сталин выступают как самые верные последователи марксистского учения, как боевые творческие марксисты, следующие духу учения Маркса и его методу. Они видят в марксизме боевое революционное учение и ставят своей задачей действительное претворение его в жизнь. Они исходят из тезиса Маркса о том, что марксисты не должны останавливаться на об'яснении мира, а должны изменить его. Марксизм—не догма, а руководство к революционному действию, — повторяют неоднократно в своих работах Ленин и Сталин. Ленинизм и есть продолжение, развитие марксизма, обогащение его применительно к новой исторической эпохе.

Нет ни одного вопроса революционной борьбы рабочего класса, который не получил бы творческого развития в трудах Ленина и Сталина. Во время первой мировой войны Ленин создал учение о возможности победы социализма в одной стране.

С исключительной смелостью и мужеством в обстановке безудержного шовинизма, захлестнувшего социал-демократические партии всего мира, перед лицом полной измены социализму большинства вождей социал-демократии, Ленин поднял свой голос против войны, против социал-шовинизма. Со всей глубиной он вскрыл острейшие противоречия новой эпохи. Восходящая линия капитализма окончилась. Империализм есть паразитический капитализм, умирающий капитализм, империализм — это канун социалистической революции.

Ленин был первым из марксистов, кто на основе анализа империализма и закона неравномерности экономического и политического развития пришел к выводу о возможности победы социализма в одной стране.

Ленинская теория социалистической революции — величайший творческий вклад в сокровищницу марксизма.

В середине XIX века, в период доимпериалистического капитализма, Маркс, Энгельс и их последователи справедливо считали, что победа социалистической революции в одной отдельно взятой стране невозможна и, наоборот, возможна одновременная победа коммунистической революции во всех странах. Почему? Капитализм шел тогда «все еще по восходящей линии», продолжался цветущий период его развития. Земной шар не был еще поделен между капиталистическими государствами. Они сравнительно «мирно», без острых столкновений мирового характера захватывали не занятые никем земли, новые колонии, рынки сбыта и сырья. Неравномерность экономического и политического развития не была еще так остра, как в последующую эпоху — эпоху империализма. В этих условиях формула о возможности одновременной социалистической революции во всех крупнейших странах Европы была правильной. Однако дело коренным образом изменилось, когда наступила эпоха империализма.

Ленин поставил вопрос о необходимости пересмотра старой формулы социалистической революции и замены ее новой формулой о возможности победы социализма в отдельных странах.

Ленинское открытие давало новое могучее идейное оружие рабочему классу, открывало перед ним широкие революционные перспективы, развязывало инициативу пролетариата отдельных стран для натиска на свою буржуазию, укрепляло веру рабочего класса в грядущую победу.

Не случайно эта теория вызвала бешеную злобу в стане врагов пролетариата. Меньшевики, каутскианцы, троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты яростно атаковали партию большевиков, которая, руководствуясь ленинским учением, повела рабочий класс нашей страны на штурм капитализма в октябрьские дни 1917 года, а после установления советской власти последовательно закладывала и укрепляла основы нового социалистического общества.

Враги всех мастей и оттенков стремились сорвать дело социалистического строительства, реставрировать капитализм в нашей стране. Но тщетны были все козни и происки врагов. Товарищ Сталин отстоял ленинскую теорию о возможности победы социализма в одной стране, всесторонне развил и обогатил ее в новых условиях.

Руководствуясь этой теорией, твердо уверенная в правоте своего дела, базируясь на научном анализе новой эпохи, партия большевиков шла смело вперед, преодолевала все препятствия на пути к поставленной цели, ломала сопротивление остатков эксплоататорских классов, побеждала неимоверные трудности, вдохновляла народы нашей страны на создание светлого здания социализма.

Все это сделало могучей, сильной и непобедимой нашу родину. Все это является свидетельством величайшего триумфа марксизма-ленинизма.

Разоблачая врагов партии, врагов народа, которые, опираясь на старую энгельсовскую формулу социалистической революции, вели борьбу против ленинизма, товарищ Сталин писал: «Конечно, если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а, наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР!»

Значение ленинской теории о возможности победы социализма в отдельных странах с еще большей силой выявляется в настоящий исторический период. Для всех ясно теперь, насколько спасительной оказалась эта теория, под знаменем которой мы построили социализм в нашей стране, спасли цивилизацию Европы от фашистских бандитов. Отпадение от империалистической системы в результате разгрома германского фашизма ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы и установление в них строя новой демократии является новым подтверждением величия ленинско-сталинской теории социалистической революции.

IV.

Другое великое открытие Ленина — открытие советской власти как наилучшей политической формы пролетарской диктатуры. И в этом вопросе Ленин, творчески развивая марксистское учение, заменил устаревшее для новой эпохи положение марксизма о том, что парламентарная демократическая республика будет специфической формой диктатуры пролетариата, которое выдвинули в свое время Маркс и Энгельс.

Изучение опыта двух русских революций привело Ленина к выводу, что наилучшей политической формой перехода от капитализма к коммунизму будет не парламентарная демократическая республика, а республика Советов. Убедившись в этом, Ленин смело и решительно отбросил старое положение Энгельса и заменил его новым, соответствующим новому этапу рабочего движения.

Товарищ Сталин всесторонне развил и эту ленинскую теорию. На основе гигантского опыта советского государственного строительства он разработал вопрос о фазах и функциях советского государства. Он пришел к новому великому открытию, установив необходимость сохранения государства и при коммунизме в случае победы коммунизма в одной стране в условиях капиталистического окружения. Товарищ Сталин показал, в каких исторических условиях и на какой научной базе были выработаны в свое время основоположниками марксизма положения об отмирании государства вместе с отмиранием классов и почему эти положения не применимы в настоящих условиях к советскому государству.

Конкретизация марксистского учения о государстве применительно к эпохе победившего на одной шестой земного шара социализма, применительно к периоду перехода от социализма к коммунизму принадлежит к новым выдающимся открытиям в развитии марксистско-ленинской науки. Творческий подход к марксистско-ленинскому учению дал возможность товарищу Сталину обосновать со всей научной глубиной вопрос о развитии советского государства в условиях капиталистического окружения, о роли советского государства в социалистическом преобразовании нашей экономики и вооружить партию могучим идейным оружием для построения коммунизма в нашей стране.

Двигая вперед теорию марксизма-ленинизма, товарищ Сталин дал всестороннее обобщение закономерностей социализма как нового победившего общественного строя. Маркс и Энгельс, говоря о социализме как о будущем обществе, намечали только основные, самые общие его черты. Ленин значительно продвинул вперед теорию Маркса и Энгельса о социализме. Центральное место у него занимает вопрос о путях строительства социализма, о диктатуре пролетариата, как основном условии достижения социализма. Социализма как системы хозяйства, охватывающей все общество в целом, при Ленине еще не было. Была политическая победа пролетариата, была крупная национализированная промышленность, но наряду с этими великими завоеваниями существовал еще необ'ятный океан мелких частнособственнических крестьянских хозяйств. Был еще только великий план построения социализма.

Под руководством товарища Сталина этот ленинский план претворен в жизнь, социализм победил в нашей стране.

Историческая заслуга товарища Сталина в развитии марксистско-ленинской науки состоит в том, что он теоретически обобщил опыт нашего социалистического государства, раскрыл закономерности социалистической эпохи и со всей полнотой показал великие преимущества социалистического строя перед капиталистическим.

Товарищ Сталин писал: «Кризис, безработица, расточительство, нищета широких масс — вот неизлечимые болезни капитализма. Наш строй не страдает этими болезнями, потому что власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому что мы ведем плановое хозяйство, планомерно накопляем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства. Мы свободны от неизлечимых болезней капитализма. В этом наше отличие, в этом наше решающее преимущество перед капитализмом. ...наш строй, советский строй, дает нам такие возможности быстрого продвижения вперед, о которых не может мечтать ни одна буржуазная страна».

Известно, с какой силой проявились преимущества советского общественного строя и советского государственного строя в период нашей великой борьбы против фашистских захватчиков. Известно, как сказываются эти преимущества теперь, в послевоенный период, когда так чудесно расцветает наша социалистическая родина.

V.

Ленин и Сталин являются создателями партии нового типа — партии большевиков. История знала много различных общественных организаций и партий. Рабочее движение, став в середине XIX века серьезным фактором общественного развития, создало свои организации и среди них первую революционную организацию рабочего класса, руководимую Марксом и Энгельсом, — «Союз коммунистов». Во второй половине XIX столетия выросли массовые рабочие партии в ряде стран Западной Европы. Эти массовые социал-демократические партии оказались, однако, вскоре зараженными опасной болезнью оппортунизма. Ленин и Сталин создали такую партию, какой никогда еще не существовало в мире, такую могучую силу, которая оказалась способной совершить величайшие всемирно-исторические дела.

Сила партии большевиков в том, что она беспощадно на протяжении всего своего пути вела борьбу с оппортунизмом, в том, что она беспощадно вытравляла внутри партии все и всяческие элементы капитулянтства, неверия в силы рабочего класса и трудящихся масс. Сила партии большевиков в том, что она опирается на учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и уделяет на всем своем историческом пути исключительное внимание вопросам чистоты своего идеологического оружия.

Маркс и Энгельс заложили только основы учения о коммунистической партии, как передовом отряде рабочего класса. «Коммунисты, — глубоко и прекрасно сказано в «Манифесте», — следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

Ленин и Сталин всесторонне разработали эти основные установки применительно к новым условиям развития — к эпохе империализма и пролетарских революций. Они показали, что коммунистическая партия есть передовой отряд рабочего класса, вооруженный знанием законов классовой борьбы, законов развития общественной жизни и способной поэтому повести за собой рабочий класс, руководить его борьбой. Они показали, что коммунистическая партия есть наиболее организованный, наиболее дисциплинированный отряд рабочего класса, что это — высшая форма классовой организации трудящихся масс по сравнению со всеми другими формами их организаций, работу которых партия призвана обобщать и направлять. Они показали, что диктатура пролетариата может быть осуществлена только лишь через партию коммунистов, как ее направляющую силу, что диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия — партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство ни с какими другими партиями.

Большевистская партия есть партия нового типа, соответствующая революционным задачам рабочего класса в эпоху империализма и пролетарских революций. Ленин и Сталин всегда боролись за боевую, деятельную, сильную, единую, централизованную, четко и строго оформленную партию, способную действительно осуществить всемирно-историческую роль рабочего класса. Со всей беспощадностью заклеймил Ленин глубоко укоренившиеся оппортунистические взгляды лидеров II Интернационала на партию, как на инструмент классового мира, как на придаток к парламентской фракции. Меньшевистский план организации партии был разбит с самого начала ее создания. Победил Ленин, и эта победа заложила фундамент той сплоченной и закаленной коммунистической партии, равной которой не знает мир.

VI.

Сто лет прошло с тех пор, как мир узнал о великой программе научного коммунизма. Сто лет враги его — отживающие силы старого общества, реакционеры всех мастей в бешеной ненависти своей травили, третировали гениальное учение Маркса, клеветали на него. Ренегаты и предатели стремились ревизовать, исказить марксизм, выхолостить из него его живую душу. Но тщетно! Еще более призывно звучат сейчас великие идеи научного коммунизма, нашедшие свое претворение на одной шестой части земли. Но врагов коммунизма не стало меньше и в наши дни. Чем шире развертывается коммунистическое движение, чем больше растут силы коммунизма, тем злобнее и подлее ведут себя его враги.

Недавно нью-йоркское радио решило дать свой комментарий к «Манифесту Коммунистической партии» в связи с его столетием. Трудно представить себе что-либо более невежественное, скудоумное и лживое!

Советские люди давно уже утвердились в мнении, что «Голос США» — фальшивый голос, но столь наглая фальсификация истории и действительности не может быть не отмечена нами.

Американские горе-комментаторы решили «взглянуть в перспективе времени на те изменения, которые произошли в так называемых капиталистических странах за сто лет, отделяющих нас от момента возникновения «Коммунистического Манифеста», чтобы увидеть, насколько оправдался «Манифест».

И что же? Что обнаружили они? Оказывается, «одним из важнейших явлений в истории человечества за эти сто лет следует считать широкое распространение принципов всеобщего избирательного права в подавляющем большинстве цивилизованных стран». А это, по «авторитетному» мнению «Голоса США», который ссылается при этом на представителя английской лейбористской партии Френсиса Уильямса, означает, что идеи «Манифеста» устарели.

Что представляет собой так называемое всеобщее избирательное право в буржуазных странах, достаточно хорошо известно. Небесполезно вспомнить слова Ленина об этом: «Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавлять народ в парламенте — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма...»

Общеизвестно, что обе политические партии США — республиканская и демократическая — это, по сути дела, два треста политических воротил, между которыми нет принципиальных расхождений в их стремлении сохранить капитализм, но которые выступают во время выборов с различными программами и как бы дают возможность избирателям «свободно» выбрать «понравившуюся» им программу.

Как современна меткая характеристика двухпартийной системы в США, данная Энгельсом еще в 90-х годах прошлого столетия! «...мы видим там (в США. — **М. М.**) две больших шайки политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплоатируют ее самым грязным образом и для самых грязных целей, а нация бессильна перед этими двумя большими союзами политиков, которые будто бы служат ей, в действительности же господствуют над ней и грабят ее».

Нет, господа американские комментаторы и лейбористские консультанты, как бы вам ни хотелось выгородить своих хозяев, положение «Манифеста» о том, что буржуазное государство есть «комитет по управлению общими делами буржуазии», целиком и полностью оправдалось!

Далее «Голос США» возвестил, что не подтвердилось положение «Манифеста» об усилении противоречий буржуазного общества. Об этом якобы свидетельствует все более ускоряющийся процесс перераспределения собственности в «так называемых капиталистических странах». Имущество, видите ли, больше не концентрируется и не растет в руках одной какой-либо малочисленной группы населения, а отдельным лицам очень трудно составить себе большие состояния, вроде тех, какие были возможны в былое время (!). И это говорится о Соединенных Штатах Америки — о стране, которой правит Уолл-стрит!

Как не вспомнить тут вышедшую в 1946 году книгу Ландберга «60 семейств Америки». Автор ее—американский журналист — поставил перед собой задачу показать, кто же является подлинными властителями США, у кого сосредоточены основные богатства нации. Вот вывод, к которому он пришел: Соединенные Штаты принадлежат и подчиняются иерархии из 60 богатейших семейств, за которыми следует не более 90 семейств менее богатых, а затем уже около 350 семейств плутократической верхушки. «Эти семейства, — писал он, — являются фактическим центром современной промышленной олигархии, которая является настоящим правительством США—неофициальным, невидимым, стоящим в тени. Это — правительство денег».

Заслуживает внимания еще один комментарий американского радио. «Среди важнейших явлений последнего столетия необходимо отметить, — вещает оно, — огромный рост профсоюзного движения в так называемых капиталистических странах. Профсоюзы достигли такого могущества и такой, в некоторой степени, монопольной силы во многих отраслях промышленности, какие и не снились авторам «Коммунистического Манифеста» сто лет назад».

Воздав хвалу американским профсоюзам за то, что они не являются организациями революционного характера, «Голос США» утверждает, что они как и входящие в их состав рабочие, сохраняют полную свободу и пользуются ею на основе полной законности (!?). И это говорится тогда, когда в США неистовствует реакция, когда действует закон Тафта — Хартли, который означает в настоящем смысле этого слова смирительную рубашку для рабочего класса. Это говорится тогда, когда профсоюзам запрещена политическая деятельность, когда из профсоюзов изгоняются коммунисты и все те, кто подозревается в коммунизме.

Действительно, нет предела наглым фальсификациям, к которым прибегает «свободная» печать и «свободное» радио США!

VII.

«Манифест Коммунистической партии» был программой первой международной организации рабочего класса — «Союза коммунистов», в рядах которого насчитывалось всего двести-триста человек. Таков был тот передовой отряд коммунизма, который принял «Манифест» как свою программу и пошел за Марксом и Энгельсом, став базой для дальнейшего развития революционного движения пролетариата.

В какую богатырскую силу вырос коммунизм за эти сто лет! Ныне во всем мире более 20 миллионов коммунистов. Стоит только сопоставить эти две цифры — 200—300 человек и 20 миллионов, — чтобы ясно видеть, куда идет история.

Мир уже не представляет собой единой системы капитализма. Социалистическое общество уже создано на одной шестой земли, и народы СССР успешно продвигаются вперед по пути к коммунизму. Вместе с ними идут народы стран новой демократии, отпавшие от системы империализма и закладывающие основу перехода на путь социалистического развития.

СССР — опора всего прогрессивного человечества.

Силы социализма и подлинной демократии, силы нового мира крепнут с каждым днем. Они могучи и не могут не победить сил одряхлевшего, насквозь прогнившего, отживающего мира капитализма.

Жалкими пигмеями выглядят те, кто пытался извратить великие принципы марксистского учения, кто предал интересы рабочего класса и пошел на услужение капиталу. Социал-демократический оппортунизм проделал позорнейший путь. Социал-демократические партии II Интернационала встали на защиту своих империалистических правительств в первую мировую войну. Социал-демократия принимала активное участие в подавлении пролетарских восстаний в ряде стран Европы, она предала венгерскую коммуну в 1919 году. Социал-демократия оказывала полную поддержку империалистической колониальной политике, помогала душить Индию, Китай и другие колониальные страны. Она была организующей силой и глашатаем в борьбе против Советской Республики с первых дней ее существования. Социал-демократия раскалывала рабочий класс, прокладывала дорогу фашизму. Правые социал-демократы целиком и полностью поддерживают ныне, после второй мировой войны, американский империализм в его стремлении закабалить Европу и установить свое мировое господство.

Таковы тягчайшие преступления социал-демократии, которые полностью раскрывают ее социальную функцию главной опоры империализма в рабочем движении в период крушения капитализма.

Ход исторических событий со всей определенностью показывает, как центральные идеи «Манифеста» о преходящем характере капиталистического общества, о великой исторической роли рабочего класса, о диктатуре рабочего класса, о партии коммунистов, которая должна играть руководящую роль в рабочем движении, развитые и дополненные Лениным и Сталиным, целиком и полностью подтвердились в ходе исторического развития. Коммунизм представляет собою самое великое движение современности, и в наши дни нет другого пути, кроме пути к коммунизму.

«Манифест Коммунистической партии» был факелом, осветившим путь к коммунизму миллионам трудящихся, их боевым знаменем в борьбе за освобождение от гнета капитала.

Под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина—Сталина трудящиеся нашей страны успешно построили социализм и завершат построение коммунистического общества.

К. СОРОКИН

Фашист Салазар на американской службе

«По своим результатам дело португальской диктатуры не является лишь внутренним делом...»

«Свобода уменьшается по мере того, как человек движется вперед к цивилизации...»

«В отношении усиления власти наша диктатура явно приближается к фашистской...»

Кто бравирует этой откровенной пропагандой фашизма? Кто столь усердно старается заменить ушедшего в потусторонний мир гитлеровского министра пропаганды?

Перед нами — одна из самых махровых фигур мировой реакции, духовный собрат Франко, его достойный соратник по фашистским злодеяниям, палач португальского народа Антонну ди Оливейра Салазар.

Прожженный политикан и матерый фашист всегда был презренным лакеем королей золота.

Твердо уверовав в свое время в то, что «фюрер» и «дуче» станут хозяевами земного шара, Салазар открыто гордился своей близостью к Гитлеру и Муссолини. Он всячески подчеркивал кровное родство своих взглядов с каннибальской программой Берлина и Рима. Смертельно боясь своего народа, он судорожно тянулся к Франко и раболепствовал перед странами «оси».

Салазар поддерживал фашистских агрессоров не только морально. Он и на деле способствовал их захватническим действиям.

На другой день после нападения Гитлера на Советский Союз португальский премьер об'явил себя мобилизованным. В приказе по армии он писал: «Мы должны считать себя мобилизованными и быть готовыми к сражению на Востоке, когда это потребуется».

Гитлер, однако, считал, что Португалия должна оставаться «нейтральной».

Ведь она в ту пору была базой снабжения Гитлера. Португальское правительство посылало в Германию стратегическое сырье — вольфрам и олово, поставляло консервы, большие партии вин, кору пробкового дуба. Вотчина Салазара являлась перевалочным пунктом для американских дельцов, переправлявших немцам этим путем нефтепродукты. Лиссабон стал очагом заговоров и сделок международной реакции.

Естественно, что гитлеровцы охотно пользовались услугами Салазара и его приспешников так же, как и услугами франкистской Испании. Пользуясь удобным стратегическим положением Португалии, фашистские шпионы, наводнившие страну благодаря радушию Салазара, передавали своим военным штабам важные сведения о передвижении военного и торгового флота союзников в Атлантике.

Поражение Гитлера и Муссолини весьма разочаровало Салазара. 3 мая 1945 года — день, когда было опубликовано немецкое сообщение о смерти Гитлера, Салазар об'явил «днем национального траура». Он все еще раболепствовал перед гитлеризмом.

Однако вскоре португальский премьер смекнул: надо в срочном порядке выслуживаться перед новыми хозяевами.

Прежде всего фашистский правитель Португалии попытался обелить демагогическими уловками свою черную репутацию. Салазар сделал несколько либеральных жестов, оповестив мир о своих якобы прогрессивных мероприятиях. Он разыграл комедию с выборами в национальное собрание. Но, несмотря на жульнические махинации правительства, простые люди Португалии раскусили истинную подоплеку этих «выборов», и значительное число избирателей отказалось от участия в голосовании. Проведя широковещательную кампанию «технической и финансовой помощи земледельцам», Салазар на деле поощрил крупных помещиков, монополизировавших сельское хозяйство страны. Такую же поддержку правительства получили монополисты и в других областях хозяйства. Все это привело к еще большему разорению масс, ухудшило и без того бедственное положение трудящихся в этой стране фашистской диктатуры. Рост цен и разнузданная спекуляция сделали жизнь простых людей невыносимой. Еще ужасней участь населения португальских колоний — Гвинеи, Анголы, Мозамбика, Макао, Тимора, где царит неограниченный произвол.

Прежнюю любовь к бесноватому «фюреру» и «дуче» Салазар сменил на лакейскую преданность Трумэну — Эттли — Бевину — Маршаллу. С империалистами Америки и Англии он заключает соглашения, наносящие удар по экономике страны и ее национальной независимости. Не имея сколько-нибудь серьезной поддержки в народе, Салазар, как всегда, ищет опоры у иноземных боссов.

В мае 1946 года, когда другие страны выступили против послевоенного использования их национальных территорий Англией и Америкой, Салазар, продлив прежнее соглашение, предоставил Великобритании и США военно-морские и военно-воздушные базы на Азорских островах.

Английское правительство не замедлило напомнить, что Великобритания — «вековая защитница» Португалии. В Лондоне немедленно активизировалось «Англо-португальское общество», призванное укреплять связи между Англией и фашистским режимом Салазара. На обеде, устроенном этим обществом, Эттли высокопарно говорил о «духе близости» между «двумя великими морскими державами». Так лейбористские правители породнились с кровавым диктатором.

Столь же родственным чувством к Салазару воспылали и американские реакционеры. Магнаты Уолл-стрит не скрывают того, что они хотели бы укрепить режим Салазара, хотя бы под предлогом «защиты христианской цивилизации». Именно с этой целью Соединенные Штаты отправили весной 1947 года в Португалию «летающие крепости» и транспортные самолеты, а Англия—радарные установки.

В то же время, словно по сигналу, реакционная печать Англии и Америки начала расписывать «заслуги» Салазара в борьбе с «мировым коммунизмом». Перед Салазаром открылись двери в гостиную... Португалия, не принятая в организацию Об'единенных наций, была приглашена на заседание комитета европейского экономического сотрудничества. Португалии отведено место в «плане Маршалла» и в системе «западного блока».

Перед тем, как отправить в Париж своего министра иностранных дел Каэйро да Матта, Салазар решил посоветоваться с Франко.

У лиссабонского «фюрера» и мадридского «каудильо» давние связи. Еще до франкистского мятежа Салазар предоставлял убежище фалангистским вожакам, скрывавшимся от испанского народа. Во время гражданской войны в Испании Салазар всячески способствовал успеху Франко. Через Португалию шло финансирование и снабжение мятежников. Португалия была первым государством, признавшим Франко. Затем последовал договор о дружбе и ненападении, а в 1942 году был заключен так называемый «Иберийский союз»—пиренейское издание пресловутого «антикоминтерновского пакта».

После окончания второй мировой войны Салазар внешне пытался «отмежеваться» от прежних связей с Франко, но дружеские отношения между Мадридом и Лиссабоном не прекращались. Португальская гвардия в 1946 году совместно с испанской полицией воевала против партизан. Методы франкистского террора усердно копируются в Португалии.

«Где-то в открытом море» состоялась задушевная встреча двух пиренейских палачей. Салазар получил от старшего партнера точные инструкции и возвратился в Лиссабон в отличном настроении...

Каэйро да Матта действовал в соответствии с полученным напутствием. В Париже он на все лады расхваливал мнимое благополучие и процветание салазаровской Португалии. Он воскурил очередную порцию фимиама дяде Сэму и заявил о готовности верой и правдой служить американским хозяевам.

В октябре 1947 года в Лиссабон пожаловала миссия из США: десять сенаторов и три представителя комиссии по военным делам конгресса. По поручению самого Трумэна усердствующие «миссионеры» изучали возможности осуществления «плана Маршалла». Не преминул побывать в Лиссабоне заместитель начальника английского генерального штаба генерал Фрэнк Симпсон. Затем в устье реки Тахо бросили якорь американские военные корабли под командованием адмирала Конолли.

Португалия не случайно привлекает взоры англо-американских империалистов. Маленькая страна занимает шестую часть Пиренейского полуострова. Она расположена в центре океанских и морских путей. Здесь средоточие трех континентов — Европы, Америки и Африки, важнейших международных авиационных линий. США и Англия уже хозяйничают в заморских владениях Португалии, которые в двадцать три раза превышают площадь самой метрополии. Поджигатели войны крайне заинтересованы в том, чтобы все эти стратегические районы с гаванями и островами, аэродромами и портами находились в надежных руках. Военные и штатские, дипломаты и коммерсанты почтительно окружают Салазара, ежедневно навещают его, инспектируют армию.

В Лиссабоне еще не успели забыть визита командующего американскими воздушными силами в Европе Лимея, как вдруг приехал новый гость — заместитель начальника штаба военно-воздушных сил США генерал Ванденберг. Племянник поджигателя войны сенатора Ванденберга прибыл в сопровождении целой свиты военных чинов, постоянным местопребыванием которых ныне являются Азорские острова. Генерал встретился с Салазаром, с министром иностранных дел. Он вручил почетные награды португальскому военному министру Сантье Коста и другим салазаровским офицерам. После пышных официальных церемоний Ванденберг сразу приступил к делу. Он направился на португальские военные базы, а также в районы, где спешно строятся американские аэродромы. Генерал пожелал лично осмотреть эти работы и убедиться в ценности баз, угодливо отданных Салазаром. Небезинтересно отметить, что американский гость одно время возглавлял стратегическую разведку США.

После серии таких визитов американцы нашли Салазара «весьма полезным человеком». Акции его необычно поднялись на той бирже, где вершат свой бизнес торговцы человеческой кровью.

Фашист Антониу ди Оливейра Салазар — свой человек в обществе торгашей, колонизаторов, захватчиков, вынашивающих планы новых кровавых авантюр. И уже хлопочут его новые хозяева о том, чтобы принять фашистскую страну в члены организации Об'единенных наций.

В авангарде «спасителей христианской цивилизации» ныне выступают кровавый «каудильо» Франко и его политический двойник Салазар. На них теперь делают ставку вдохновители и организаторы фашистского «треугольника Вашингтон — Мадрид — Лиссабон».

Поддерживаемый Уолл-стрит, Салазар «выходит в люди». Но «премьер-министр корпоративной республики» и его хозяева упустили из виду главное — португальский народ.

Несмотря на неописуемый террор, царящий в стране, силы демократии и влияние борцов за свободу и независимость Португалии растут. Душой этих сил является португальская коммунистическая партия. Эта партия работает в подполье; и все же именно она сплачивает все прогрессивное в стране, борется за национальное достоинство и честь португальского народа.

Рис. О. ВЕРЕЙСКОГО

Коты и мыши

Приводим дословный перевод отрывка из радиобеседы, переданной 9 февраля в 13 часов 30 минут из Лондона. Беседа проводилась на немецком языке и называлась «Из лондонских заметок Ганзеля Бера».

***

«Я расскажу вам о событиях, происшедших на прошлой неделе, которые показывают, что собой представляет Англия. На прошлой неделе выступил с речью премьер-министр Англии Эттли и сообщил, что правительство подготовляет издание закона, запрещающего повышение заработной платы, жалованья и прибылей. По мнению английского правительства, данное мероприятие вызвано угрозой инфляции. Этот закон особенно необходим в момент ожидания американской помощи.

В связи с этим интересно привести следующее сообщение, помещенное в газете «Манчестер гардиан»: «Америка намеревается послать в подарок нуждающимся европейским странам 1 миллион американских кошек, которые должны будут истребить крыс, с'едающих часть продовольствия у нуждающихся европейцев. Американское общество по охране животных заявило в связи с этим протест, в котором указывает, что количество крыс и мышей в Европе недостаточно для прокормления одного миллиона чистокровных американских кошек».

Как ни говорите, а важность американской помощи остается неоспоримой...»

Факты без комментариев

НА ОСТРИЕ КОПЬЯ

Греческий принц Петр в своей речи на завтраке, устроенном в его честь, заявил: «Моя страна является острием копья американской внешней политики».

НЕ ОТ ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ...

Американец Аллэри Хайтаун отправился 1 июля прошлого года в кругосветное путешествие, которое он совершает пешком, толкая при этом перед собой тачку...

По истечении шести месяцев Хайтаун сообщил, что тачка находится в отличном состоянии, но он износил 10 пар обуви и истрепал 18 пар перчаток. По сообщению газеты «Лангерн», Хайтаун считает, что ему предстоит еще пробыть в пути 12 лет и что за это время он «израсходует» 240 пар обуви и 432 пары перчаток.

ПОД БЛАГОТВОРНЫМ ВЛИЯНИЕМ ДОЛЛАРА

Наступление реакции в Иране находит свое выражение также и в попытках вновь принудить всех женщин в обязательном порядке носить плотную чадру. Как сообщает не без удовлетворения агентство Рейтер, многие торговцы стали отказываться продавать товары женщинам, не носящим чадры. Возглавляющий эту кампанию видный мусульманский лидер Кашани, считающийся потомком Магомета, заявил: «Женщина без чадры вызывает серьезное возбуждение чувств» и потому является «воплощением порока».

БАНДИТ ПРИВЕТСТВУЕТ ТРУМЭНА

По сообщению газеты «Ром дейли америкэн», итальянский бандит Сальваторе Джулиано, скрывающийся на острове Сицилия, обратился к Трумэну с «посланием», в котором просит его принять Сицилию «в состав американской федерации» в качестве 49-го штата.

Джулиано заверяет Трумэна, что борьбу «против коммунизма» и за присоединение итальянского острова к США будет вести не он сам, а «другие», и, таким образом, Америка не будет скомпрометирована открытым «союзом с разбойником».

ЛОВКОСТЬ НОГ ИМПЕРАТОРА

Японская газета «Ниппон таймс» с восторгом поведала своим читателям о том, что император Хирохито является одним из немногих людей, которые могут взять веер пальцами ног и обмахиваться им. «Таких талантов, — по утверждению газеты,—всего несколько во всем мире».

ЛЮБИТЕЛИ СМЕРТИ

В Мексике недавно умерла обладательница одной коллекции. Эта коллекция, как сообщает «Вельт ам монтаг», насчитывает 15.000 предметов и собиралась в течение 50 лет. Она состояла из предметов, ставших причиной чьей-либо смерти, например, апельсинной корки, на которой поскользнулся человек, проглоченной булавки, черепицы с крыши, упавшей на проходившего мимо пешехода, и т. п.

Уроды

У Мопассана есть страшный рассказ «Мать уродов», повествующий о женщине, желавшей скрыть свой «грех»—уничтожить своего ребенка еще до его появления на свет. Она родила чудовище со сплюснутым черепом, удлиненными конечностями и паучьими лапками. Содержатель балагана приобрел у нее урода за пятьсот франков. Нежданный заработок вскружил женщине голову. — «Ею овладело настойчивое желание народить других уродов, чтобы сколотить себе ренту, наподобие буржуа. Так как она была плодовита, ее затея удалась, и она, повидимому, научилась придавать разнообразную форму своим уродам, в зависимости от давления, которому она подвергала их во время беременности...»

Творчество современного английского скульптора Генри Мура невольно заставляет нас вспомнить этот рассказ.

Генри Мур — «отец уродов», которыми он торгует с неменьшей ловкостью, нежели героиня новеллы Мопассана. Получает он, впрочем, за свои чудовища гораздо больше, чем эта женщина, и его создания выставляются для обозрения не в балаганах, но в музеях, галлереях, украшают они и частные собрания богатых «ценителей искусств».

Мать уродов все проклинали, а Генри Мура восхваляют и осыпают почестями.

Речь идет о «первом скульпторе Великобритании»; о нем написано в Англии довольно много. Выставки его произведений именуются «событием» в художественной жизни Англии и США. Один из восторженных поклонников скульптора — Альфред Франкфуртер сравнил его с Донателло, Гудоном и Роденом.

Другой критик, перещеголяв Франкфуртера, сопоставил «великого британца» с Микельанджело.

Статуи Генри Мура — бесформенные глыбообразные фигуры, в которых только очень пылкое воображение может распознать человека. Вот, например, бронзовая группа «Семья»: отец, мать и ребенок. Урод, изображающий «отца», лишен головы; шея заканчивается раздвоенным обрубком, венчающим это сооружение. У «матери» вместо головы нечто вроде гири; глаза находятся непосредственно на лбу, носа нет вовсе.

Только яростная, животная ненависть к человечеству могла внушить скульптору эти уродливые и искаженные образы.

«Прославленная» статуя Генри Мура «Мать и дитя» очень характерна для его «творческой» манеры. Это два гориллообразных истукана с деформированными телами. Головы, напоминающие каменную опухоль, лица, лишенные лба и подбородка, призваны воплотить тему материнства! Скульптор стремился вытравить все человеческое из своих фигур, и нужно признать, что это ему удалось. Выражение «лица» матери убедительно свидетельствует о ее дегенеративности. «Дитя», повидимому, унаследовало умственные способности родительницы. И об этом изуверском, проникнутом тупой злобой к человеку создании английская и американская критика, захлебываясь от восторга, писала, как о гениальном произведении современного искусства.

В одной из своих статей Генри Мур писал о пресыщенности современного общества старым искусством, о необходимости «здорового примитива». Возможно, что именно в поисках этого «здорового примитива» скульптор начал возрождать «традиции» каменного века. Во всяком случае, журналисты сообщили, что Генри Мур, отвернувшийся от античности, изучает в Британском музее художественные изделия доисторической эпохи. Думается все же, что вкусы современных неандертальцев, обитающих в комфортабельных и многоэтажных «пещерах» Лондона и Нью-Йорка, значительно грубее, чем вкусы их доисторических предков.

Другим «шедевром» Генри Мура является его монументальное изваяние «Три стоящие фигуры». На этот раз Генри Мур изобразил своих уродов в вертикальном положении, хотя обычно предпочитает придавать им горизонтальное или сидячее положение. В новом творении Мура уже вовсе нет ничего человеческого. Гигантские, нелепо вытянутые фигуры с птичьими головами облечены в какие-то странные хламиды. Лба у этих чудищ нет. Единственный глаз помещается на том месте, где должен был бы находиться лоб, а рот, вернее, гигантская пасть, занимает место, природой предназначенное для носа. По уродству и бесформенности это создание Генри Мура является едва ли не самым «совершенным» в его творчестве.

Семья уродов, рожденных плодовитым английским скульптором, огромна: лежащие, сидящие, облокотившиеся, приподнимающиеся каменные пресмыкающиеся, с головами, свернутыми на бок, или вовсе безголовые, с чудовищными животами и длинными и раздутыми конечностями, ящуры и птеродактили, изображающие человека.

«Творчество» Генри Мура, исполненное жестокой ненависти к духовной и физической красоте человека, является одним из ярких свидетельств полнейшего вырождения современного буржуазного искусства. Это искусство может порождать только уродов и торговать ими, как подлая тварь из рассказа Мопассана.

А. ГОЗЕНПУД

Эльмар ГРИН

Суд долгий и милостивый

«Закон, что дышло, — куда повернул, туда и вышло», — говорили в стародавние времена. Оказалось, однако, что эти давно забытые нравы и по сей день существуют в практике судопроизводства у нашего северного соседа — Финляндии.

В самом деле, как отнестись к той удивительной метаморфозе, которая произошла недавно с судебным процессом над организаторами тайных складов оружия? Группа людей совершила поступок, охарактеризованный, согласно законам Финляндии, как преступление. Каждому известно, что должно за этим последовать. Преступнику пред'являют обвинение, его арестовывают, назначается следствие, и затем суд выносит приговор.

Однако финская юстиция придерживается иных правил. Да, закон признает преступлением злостное укрывательство оружия и новую подготовку к войне против Советского Союза в тот период, когда уже действовало соглашение о перемирии. Да, признанные виновными в этом были арестованы и привлечены к ответственности. Но с тех пор вот уже в течение десяти месяцев происходит нечто совсем непонятное.

Газета «Вапаа сана» в номере от 13 января пишет, что председатель третьего отделения высшего военного суда «вначале вел процесс так, словно на нем речь шла не о военных преступлениях, а о вреде, который нанесли коровы посевам соседа... Он позволил обвиняемым в зале заседаний суда свободно общаться друг с другом, с защитниками и посторонними лицами. Таким образом, обвиняемые имели возможность услышать, какие показания давали следственным властям другие лица».

Поистине, странный способ ведения суда. До сих пор нам казалось, что степень виновности устанавливают в суде путем сопоставления индивидуальных показаний свидетелей и обвиняемых, причем последние изолированы друг от друга и от внешнего мира. Наивные мы люди!.. В Финляндии изобретены (или кое-где заимствованы) новые методы, значительно ускоряющие судебный процесс, ибо, очевидно, одинаковые показания заранее сговорившихся преступников доставляют гораздо меньше хлопот суду.

Газета «Вапаа сана» напоминает, что «на определенной стадии дело о тайных складах оружия «расследовал» сам генерал Айро». Таким образом, мы имеем возможность ознакомиться со следующим оригинальным достижением высшего военного суда Финляндии: «расследование» преступления поручено главному организатору этого же преступления, генералу Айро! Действительно, кому, как не ему, доподлинно известны все детали разбираемого дела? Он возглавлял его. Он проводил свои решения в жизнь. Ему и карты в руки.

Генерал Айро вкупе с другим укрывателем оружия генералом Мякиненом начали с того, что попытались замять дело. Полностью им это не удалось. Однако путем допросов обвиняемых, произведенных Мякиненом, главари организации получили возможность выяснить, что следует предпринять, чтобы скрыть правду и представить дело в самом невинном свете, если за него все же придется отвечать... Отсюда «достижения» суда почти за целый год.

Есть в практике суда еще одно любопытное нововведение. Допрошено полицией по делу о тайных складах оружия около пяти-шести тысяч лиц, более или менее виновных. Помимо третьего отделения, судебным разбирательством занят ряд вновь созданных отделов. В одном пятом отделении в настоящее время находится на рассмотрении 150 дел. Виновных в совершении преступления насчитываются десятки и сотни, однако под стражей содержится... восемь человек. Остальные гуляют на свободе.

Однако венцом всех событий, связанных с подобными методами ведения процесса, явилась брошюра генерала Айро. Здесь мы уж просто разводим руками.

В самом деле, обвиняется человек в преступной деятельности, содержится под стражей в тюрьме, а вот взял и написал брошюру, направленную против тех, кто вздумал его судить. Он написал, а в Тампере ее отпечатали и почти сразу же распространили весь тираж—около 4.000 экземпляров.

И если бы не сильный нажим со стороны демократической общественности Финляндии, то еще неизвестно, подверглось бы конфискации или же не подверглось это произведение воинственного фашиста, в котором он на 167 страницах, восхваляя себя, обрушивается с обвинениями на правительство Финляндии, на нынешнего президента республики, на Союзную контрольную комиссию и на Советский Союз.

Этот вопиющий факт, как справедливо отмечает газета «Тюэкансан саномат», «надо считать не только последствием до странности мягкого обращения с укрывателями оружия, но и доказательством опасного усиления фашистского влияния в Финляндии». Так-то так, но, видимо, финская юстиция не может решиться отбросить столь блестяще примененные в судебном деле «новые методы».

Задумываясь над странным топтанием суда на одном месте в этом важном процессе, невольно задаешь себе вопрос: «Может быть, все дело в том, что судьи и обвиняемые не совсем понимают друг друга?» Бывали и такие случаи в практике финского суда, особенно в то время, когда руководящие чиновные посты сплошь и рядом занимали шведы, подчас не знавшие даже в надлежащей степени финского языка.

Газета «Кансан лехти» в № 32 за 1911 год рассказывает, например, о следующем курьезном происшествии в суде: «Некий судья в Або спросил у девушки, обвинявшейся в детоубийстве, кто склонил ее на преступление. — «Пахолайнен (т. е. лукавый) попутал», — ответила девушка. Судья занес в протокол: «Девушка совершила убийство при участии некоего мужчины по фамилии Пахолайнен». И после этого исполнительные власти усердно разыскивали «Пахолайнена», пока, наконец, дело не выяснилось».

В данном случае вряд ли имеет место подобное недоразумение. Наоборот. Если присмотреться внимательней, то станет ясным, что судья и обвиняемые, пожалуй, слишком хорошо понимают друг друга, и это-то и является главным тормозом в работе суда.

Уже начало процесса показало, что кое-кто проникся самыми теплыми симпатиями к укрывателям оружия. Прежде всего сейм издал закон, по которому максимальное наказание, угрожающее этим финским фашистам, ограничивалось восемью годами каторжных работ. Затем последовало столько поблажек в смысле свободы передвижения и общения с внешним миром, что обвиняемые почувствовали себя чуть ли не «героями дня».

Взаимопонимание между судом и главными обвиняемыми выразилось еще и в том, что суд принялся освобождать их из-под стражи одного за другим. Одним из освобожденных оказался полковник Хухтала. Касаясь его личности, газета «Вапаа сана» замечает, что он «отличался составлением фальшивых документов, чтобы инспекторы СКК не смогли разоблачить интриги заговорщиков». И далее газета добавляет: «Его освобождение было столь трудным делом, что потребовалось даже вмешательство верховного суда».

Верховный суд освободил также Кастрена, этого «заклятого фашиста», как называют его в Финляндии, занимающегося разведывательной и шпионской деятельностью против Советского Союза; и генерала Раапана, использовавшего по соглашению со своим приятелем Айро подчиненную ему дивизию для доставки на тайные склады военного снаряжения. На каком основании последовало освобождение этих преступников — остается загадкой.

Освобожден, кроме того, депутат сейма Кивеля. Это понадобилось для того, чтобы он мог продолжать руководить существующей «опорной сетью». Кстати сказать, именно Кивеля ведал распространением брошюры Айро среди лиц, замешанных в укрывательстве оружия.

Налицо, как будто, достаточно тесное взаимопонимание между судом и обвиняемыми, можно сказать — чрезмерно тесное. В связи с этим возникает вопрос: до какой степени может продолжаться это сближение взглядов и симпатий между судьями и обвиняемыми, и к чему, в конце концов, оно приведет, если иметь в виду, что и без того уже достигнуты прямо-таки сенсационные результаты. Шутка ли: в течение годичного процесса выявлены многие десятки новых и новых преступников, материалы одного только обвинения составляют 50.000 страниц, издержки государства в связи с ведением судебного дела достигли нескольких десятков миллионов марок, а число содержащихся под стражей сокращено за этот же период до восьми человек. Спрашивается, сколько их останется под стражей, если процесс протянется еще полгода? Не рассчитывают ли втихомолку судьи вообще прекратить процесс «за отсутствием обвиняемых»?..

Значит ли все это, что не найдется сейчас в Финляндии судья над недобросовестным судом? Такой судья есть. Его мужественный голос громко звучит со страниц демократической печати. Это голос финского трудового народа, голос совести Финляндии.

Финский народ не желает повторения бессмысленной войны и поэтому внимательнейшим образом следит за ходом процесса. Он требует сурового наказания тех, кто готовился вызвать новое кровопролитие. Он знает подлинную вину каждого. И если суд, уже доказавший свои симпатии к подсудимым, примет на веру чье-нибудь показание о том, что «Пахолайнен попутал», то финский народ этим не обманешь. Финский народ видит, куда клонят судьи, и пред'являет свои требования.

«Реакция мобилизует силы для защиты укрывателей оружия», — предупреждает газета «Вапаа сана». Почему так беспрепятственно действовали заговорщики? Потому что к ним примкнул тогдашний начальник государственной полиции Саарнио и главный начальник полиции Коскимиес. Достойным внимания является тот факт, что даже в сейме защитой фашистских преступников горячо занялись депутаты Кивисало и Койвисто, а в прессе — газета «Суомен сосиалидемокраатти». Последняя дошла до того, что в день конфискации брошюры Айро сочла уместным процитировать часть его наглых высказываний.

Чьи пластинки наигрывают эти граммофоны? Разве сейм согласен с депутатом Койвисто в том, что укрытие в тайных складах вооружения почти для двух дивизий — это не преступление? Разве мирный договор не требует, чтобы в Финляндии не существовали тайные военные организации? И разве может осмелиться истинный друг демократии выступить с защитой фашистских укрывателей оружия в парламенте?

Такие вопросы задает суду верховный судья страны — народ, решивший во что бы то ни стало добиться справедливого приговора.

Мы тоже со вниманием следим за этим странно затянувшимся процессом, ибо всем сердцем любим спокойный, мирный труд.

ЛЕНИНГРАД

Ложь гибнет, факты остаются

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Историческая справка Совинформбюро, озаглавленная «Фальсификаторы истории», могла бы иметь подзаголовок: «Как западные государства подготовляли гитлеровскую агрессию в Европе».

После того как на доллары, фунты и франки была восстановлена германская военная промышленность, вооружена германская армия, после того как был создан германский военный флот, начались мероприятия другого рода.

Раскрывает их характер и раз'ясняет множество неясных моментов одна фраза: «Мы приостанавливаем вечные стремления немцев на юг и на запад Европы и обращаем взоры на восточные земли».

Это — высказывание Гитлера в его книге «Майн Кампф». Высказывание, бросающее яркий свет на историю последних лет.

В этих словах было как раз то, что требовалось определенным англо-франко-американским кругам. Быть может, наконец, удастся то, что не удалось ни в 1918, ни в 1920 годах, быть может, удастся задушить Советский Союз, разгромить единственное в мире социалистическое государство. Гитлер был весьма пригоден для этой цели. И Гитлер стал баловнем США, Англии и Франции, сплошным потоком потекли в Берлин доллары из-за океана.

В 1937 году английский министр иностранных дел Галифакс выражал Гитлеру свой восторг и преклонение по поводу того, что он, уничтожив коммунизм в Германии, тем самым «спас Запад от опасности» и «стал западным бастионом против большевизма».

Гитлер благосклонно принимает комплименты и заигрывания Галифакса. Но он торгуется. Он требует, чтобы с Германии были сняты все моральные и материальные обязательства, вытекающие из Версальского договора.

И вот английское правительство устами Галифакса поспешно удовлетворяет эти требования. Он дает весьма далеко идущие заверения. Заверения в том, что английское правительство прекрасно понимает необходимость изменений в устройстве Европы. Что некоторые проблемы должны быть поставлены и разрешены иначе, чем они были разрешены Версалем. И Галифакс спокойно перечисляет некоторые из этих проблем: Гданск, Австрия, Чехословакия. Галифакс напоминает, что Англия ведь всегда благожелательно относилась к немецким требованиям.

О, нет, Гитлер не имеет никаких оснований сомневаться в симпатиях к себе со стороны английского правительства и в его готовности удовлетворить все требования Германии. Ему уже даны доказательства, а с течением времени он получит все новые и новые...

В 1938 году посол Англии в Берлине Гендерсон поспешно уведомляет Гитлера, что Галифакс (в то время министр иностранных дел) полностью одобряет планы «территориальных изменений» в Европе. И почти немедленно вслед за этим Гитлер выдает Гендерсону «расписку» в том, что он усвоил содержание этой беседы: аншлюсс становится совершившимся фактом, Австрия перестает существовать, как независимое государство, снова льется кровь, переполняются тюрьмы.

Немецкий посол в Лондоне Дирксен шлет Гитлеру славословие в честь английского правительства, которое проявляет величайшее понимание нужд и стремлений Германии и готово принести всяческие жертвы радг «выполнения других справедливых требований Германии».

Да, английское правительство готово на величайшие жертвы в пользу Германии. На огромное количество жертв за счет чехов, словаков, поляков. Гитлеру уже известно, что он не услышит ни слова протеста, когда ему вздумается захватить Чехословакию. Ведь так легко жертвовать чужими городами, чужой кровью, жизнью целых народов,—и английское правительство с дружеской улыбкой приносит эти жертвы Гитлеру. Ведь там, дальше, за Чехословакией, за Польшей — золотая земля Украины, там вдали гордо высится Москва,—и глаза английских лордов, глаза американских миллиардеров нестерпимо режет блеск звезд на кремлевских башнях.

Через несколько дней после беседы с Гендерсоном состоялся аншлюсс Австрии. Через несколько дней после встречи Чемберлена с Гитлером — уже даже не Гитлер, а представители Англии и Франции потребовали от Чехословакии, чтобы она отдала часть своей территории немецким фашистам.

И тут уж не помогли никакие протесты, никакое сопротивление Чехословакии. Не помогли никакие ссылки на гарантии, договоры и обещания. Мюнхенская конференция уничтожает независимость Чехословакии.

Совместная англо-германская декларация, совместная франко-германская декларация — таковы дальнейшие шаги в развязывании второй мировой войны, молниеносное приближение которой ни для кого больше не является тайной.

Тридцать девятый год. На очереди Польша.

В июне этого года на банкете в Лондоне снова раздался голос Галифакса. За бокалом вина он заявил о своей готовности договориться с Германией на разные темы, в том числе и о «жизненном пространстве».

Мы отлично знаем, что понимал Гитлер под этим термином «жизненное пространство»; он сам ясно говорил об этом в «Майн Кампф», книге, которую добросовестно изучил Галифакс.

Вино в бокалах на банкете отливало кровью людей, населяющих это самое «жизненное пространство», кровью польского крестьянина, украинского колхозника, белорусса и русского. Но это не портило его вкуса для Галифакса — ведь он «готов был на всяческие жертвы»...

В то самое время, когда германские войска вступали в Прагу, представители Федерации английской промышленности заключали в Дюссельдорфе договор с немецкими магнатами индустрии.

В то самое время, когда давались гарантии и заключались договоры с Польшей и Румынией, Гитлеру предоставлялся «картбланш» в его разбойничьих начинаниях.

Но так как весь мир с беспокойством наблюдал за происходящим, то для отвода глаз, для обмана широких масс в своих странах были начаты переговоры с Советским Союзом. Переговоры якобы о защите мира в Европе.

Во всей истории дипломатии трудно найти нечто более циничное, более омерзительное, чем эти «переговоры». Посылка представителей, не наделенных никакими полномочиями, отказ от собственных предложений, лишь только возникло опасение, что они будут приняты, затяжки, выставление совершенно фантастических требований, поручение вести дело людям, которые сами признавались в полнейшей своей некомпетентности, — таково было то позорное зрелище, которое продемонстрировали миру правительства Англии и Франции.

Однако эта более чем странная на первый взгляд история имеет свое об'яснение. Англо-франко-советские переговоры, о которых столько писала пресса и так много дискутировали в парламентах, были только дымовой завесой; эта завеса должна была скрыть от мира другие, настоящие переговоры, проводившиеся в глубокой тайне, тайне, которую удалось раскрыть благодаря захваченным Советской Армией в Берлине секретным документам.

Для ведения этих настоящих переговоров посылались не офицеры без полномочий, а министры и премьеры; они велись в Лондоне и в Берлине, и в ходе их западные государства производили раздел между собой и Гитлером «жизненного пространства», мировых рынков сбыта, сырья, доходов. И эти тайные переговоры говорили не о мире в Европе, а о войне с Советским Союзом.

Советский Союз, как всегда, боролся за мир. Его мощный предостерегающий голос раздался при захвате Австрии. Когда опасность угрожала Чехословакии, Советский Союз готов был сделать все, что могло спасти—тогда еще наверняка могло спасти — Европу от катастрофы. Франция и Англия отказали Чехословакии в помощи. Не только отказали — они требовали от нее покориться Гитлеру. Советский Союз идет на все, чтобы хоть теперь, хоть в последний момент спасти Европу. Советский Союз упорно и настойчиво предлагает заключить договоры, которые парализовали бы действия и намерения Гитлера.

Но Англия была заинтересована как раз в том, чтобы договор с нами не был заключен, она стремилась не удержать Гитлера, а развязать войну. Сейчас это уже ясно всем.

Советский Союз никогда не питал иллюзий о том, будто пакт с Германией снимает возможность войны. Наоборот, Советский Союз прекрасно отдавал себе отчет в том, что гитлеровская агрессия неизбежна и что основная тяжесть войны с фашизмом падет именно на СССР. Поэтому все усилия Советского правительства и были направлены к всестороннему укреплению внутреннего и внешнего положения, к созданию мощной обороны на случай нападения Гитлера.

В это же самое время французский штаб разрабатывал планы войны с Советским Союзом, подготовляя нападение на Баку и Батуми. Шла подготовка и в английском штабе. Ведя более чем странную, пассивную войну с Гитлером, эти штабы весьма активно и энергично готовились к войне с Советским Союзом.

Когда Германия напала на Советский Союз, когда западные государства стали нашими союзниками, их истинную позицию исчерпывающе-ясно определил Трумэн, нынешний президент Соединенных Штатов и тогдашний сенатор:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом, пусть они убивают, как можно больше». Эта фраза является самым лучшим выражением истинных намерений союзников во время войны. Она об'ясняет, почему они так оттягивали открытие второго фронта, почему неоднократно отодвигали ими же назначенные сроки, оправдываясь своей неподготовленностью.

И в то самое время, когда на советско-германском фронте идут ожесточенные бои, там, на Западе, ведутся переговоры, о которых мы узнаем лишь сейчас, из секретных документов.

Осенью 1941 года, в суровые дни, когда немцы приближались к Москве, в 1942, в 1943 году в Швейцарии, Португалии идут переговоры между представителями Англии и Германии, между представителями Соединенных Штатов и Германии — о возможности заключения сепаратного мира. Советский Союз, верный своему союзническому долгу и не щадящий никаких усилий на фронте, ничего об этих переговорах не знает. Где-то там, на берегах швейцарских озер, или под оливами Лиссабона, идет торг, причем ставкой в этом торге является наша кровь, наша земля, наша независимость. В этих переговорах затрагивается проблема создания «санитарного кордона против большевизма и панславизма». И это проделывается в то время, когда советский народ ведет героическую борьбу не только за свою свободу, но и за свободу человечества. И эти переговоры ведут союзники, связанные с нами пактами, декларациями, обязательствами!

Когда английские войска на Западе находятся в отчаянном положении, СССР, не колеблясь ни минуты, всеми силами стремится помочь им. И когда Черчилль просит Сталина о помощи, — Советский Союз меняет свои военные планы, ускоряет январское наступление 1945 года, чтобы сорвать германское наступление на Западе и спасти армию союзников. В итоге немцам приходится спешно перебрасывать подкрепления на наш фронт. С помощью СССР войска союзников выходят из тяжелого положения.

Так поступал Советский Союз. Сейчас клеветники пытаются всячески извратить факты. Но факты — упрямая вещь, и как бы кое-кому ни хотелось фальсифицировать историю, — сделать это не удастся!

ЭПОПЕЯ ОСВОБОЖДЕННОЙ ЛАТВИИ

Ю. ВИППЕР

Последнее произведение Вилиса Лациса, монументальный роман «Буря», — одно из самых значительных явлений в послевоенной литературе народов СССР. Роман В. Лациса привлекает внимание прежде всего размахом замысла. Писатель поставил перед собой ответственнейшую задачу — раскрыть историю латышского народа от 1939 года до послевоенной сталинской пятилетки.

Широкий политический кругозор советского государственного деятеля, художественный талант писателя-реалиста позволили В. Лацису показать различные круги латышского общества. В первой книге романа воспроизведена жизнь буржуазной Латвии в 1939—1940 годах, обрисована латышская деревня, жизнь города, показан труд рабочих и батраков, быт буржуа и интеллигенции. Писатель разоблачает замыслы фашиствовавших министров буржуазной Латвии, показывает напряженную деятельность коммунистического подполья. События, описанные в первой книге, завершаются историческими днями, когда латышский народ сбросил тяжелое ярмо рабства. Вторая книга первой части романа рисует труд латышского народа, с огромным под'емом строящего новую Советскую Латвию. Во второй части романа воскресает то героическое время, когда лучшие сыновья латышского народа отстаивали свободу своей отчизны на фронтах Отечественной войны, в трудовом тылу и в партизанских отрядах.

Действие романа развивается то в отдаленных восточных областях нашей необ'ятной Родины, где эвакуированные латыши находят теплый, братский прием, то в лагере национальной латышской дивизии, то перемещается на поля сражений. Временами действие переносится по ту сторону фронта, и писатель показывает события, происходящие в оскверненной немцами Латвии.

Творческие приемы В. Лациса разнообразны. Бытовые картины, психологические этюды, отрывки очеркового характера чередуются в «Буре» с острым политическим памфлетом, сатирическими зарисовками. Яркое по своей художественной форме произведение В. Лациса отличается большой идейной цельностью. Основное содержание романа — духовный рост латышского народа, идущего под руководством партии большевиков к коммунизму. Центральный герой романа Лациса — сам латышский народ. Поэтому «Буря» и может быть названа эпопеей латышского народа.

Показывая расцвет народа, вошедшего в семью советских республик, писатель разоблачает латышскую буржуазию, продавшуюся чужеземным империалистам, выродившуюся в платную агентуру международной реакции. Блестящий талант Лациса, сатирика и памфлетиста, особенно выразительно проявился в первой части романа. Метко, с большой сатирической силой рисует писатель фигуры реакционных буржуазных заправил, находившихся у власти в Латвии до 1940 года.

Все эти ульманисы, берзины и их подручные кричали о своем патриотизме, выставляя себя защитниками национальной независимости, а на деле за спиной у народа торговали его свободой, его трудом. Они собирались отдать Латвию на разграбление империалистическим хищникам. Их замыслы были сорваны установлением в Латвии советского строя в июне 1940 года. Сцены романа, отражающие всенародное торжество и ликование Латвии в июньские дни 1940 года, принадлежат к самым поэтическим страницам эпопеи Лациса.

Но реакция не унималась. Агенты иностранного капитала получили новые задания от своих хозяев. Они замаскировались, ушли в подполье. В годы немецкой оккупации контрреволюционная организация буржуазных националистов и открыто и тайно сотрудничала с эсэсовскими палачами. После разгрома Гитлера буржуазные националисты Латвии обратили свои надежды на англо-американскую реакцию. Их главари, бежавшие в англо-американские зоны оккупированной Германии, стали околачиваться в лакейских американских генералов и долларовых тузов.

Подробно описывая происки подлых наймитов иностранных разведок, писатель призывает к революционной бдительности, мобилизует народ на борьбу. Разоблачая Пикура, Вильде, Понтэ и Ланка, Лацис с большой последовательностью показывает типический процесс разложения реакционной буржуазии. Ход событий обнажает ее звериную сущность: из демагогических политиканов эти люди превращаются в остервенелых бандитов, убийц, уголовных преступников.

Большое место в романе В. Лацис уделяет изображению сложного пути, которым различным представителям латвийской интеллигенции пришлось итти к истине. Одни из них, мужественные и честные, как герой романа Карл Жубур, еще в годы господства реакции видят жизненное призвание в революционной борьбе за свободу народа. Другие, подобно актрисе Маре Вильде, легко находят свое место в новом обществе, с которым они решительно и бесповоротно связывают свою судьбу. Многие освобождаются от предрассудков прошлого лишь путем горьких жизненных испытаний, мучительной внутренней борьбы.

В течение долгих лет правящая клика Латвии стремилась растлить сознание латышской интеллигенции, обессилить ее волю, проповедуя реакционные шовинистические идеи, ограждая страну глухой стеной от малейшего соприкосновения с идейной жизнью Советского Союза, подавляя малейшие проблески прогрессивной мысли. Реакционные заправилы сознательно и неизменно стремились погрузить работников умственного труда в тину провинциального застоя, мещанской ограниченности, развить среди интеллигенции паразитические, иждивенческие настроения. В среде латышских деятелей культуры воспитывалось представление о якобы «особом пути» интеллигенции, принуждающем ее держаться «выше схватки», сторониться общественной борьбы, избегать активного участия в политической жизни.

Художник Прамниек и журналист Саусум, действующие в романе, как будто приветствуют великий перелом в судьбе латышского народа. Однако, у них нехватает ни уверенности, ни решимости для того, чтобы стать на защиту нового строя с оружием в руках. После начала военных действий они остаются в Риге, надеясь и в дни оккупации сохранить «духовную независимость», нейтральные позиции «наблюдателей», отсидеться в своих «цитаделях». Жизнь преподает им тяжелый урок. Только столкнувшись с фашистским режимом, пройдя через ад гестаповских застенков, испытав глубокие унижения и оскорбления, они понимают, что «среднего пути» быть не может, что долг каждого истинного демократа и патриота — связать свою судьбу с борьбой трудового народа против его поработителей.

Мечущейся, потерявшей почву буржуазии в романе Лациса противостоят люди из народа. Их фигуры, несколько бледно и робко очерченные в начальных главах романа, выступают во весь рост во второй части произведения. Как олицетворение глубокой правды народа, его жизнеутверждающей силы, его несгибаемой воли, изображены рабочий Спаре, грузчик Рубенис, батрак Пургайлис, дети крестьянина-бедняка Закиса. Они — носители славных революционных традиций латышского пролетариата. Первое место среди этих творцов будущего принадлежит коммунисту Андрею Силениеку, которому автор уделил большое внимание в первой части романа. К сожалению, в следующих главах писатель именно Силениека отодвигает на задний план.

Во второй части романа ярко проявляется столь характерное для творчества Лациса действенное романтическое начало. Писатель черпает материал для создания образов мужественных, бесстрашных людей среди латышских стрелков и партизан. Герои его книги одарены неукротимой энергией, железной волей и в то же время они глубоко человечны.

Есть в романе и недостатки. Не всегда писателю удается придать повествованию характер большого исторического обобщения. Местами история и ее художественное отображение выступают порознь, в отрыве друг от друга. Так, показывая деятельность большевистской подпольной организации, писатель чрезмерно увлекается изображением техники конспирации. Идейная и организационная связь партийной организации с массами остается временами скорее декларированной в публицистических отступлениях, чем раскрытой в самой художественной ткани произведения. Более четко мог показать писатель в первой части романа влияние самого существования Советского Союза на сознание трудящихся масс Латвии.

Хочется пожелать, чтобы писатель освещал внутренний мир своих любимых героев менее сдержанно, чтобы он глубже раскрыл их мировоззрение, их моральный облик.

Эпопея Лациса поможет широким кругам советских читателей ознакомиться с исторической судьбой и душевным складом братского латышского народа. Хорошо, что редакция альманаха «Дружба народов» поспешила с опубликованием романа. К сожалению, перевод Я. Шуманэ не передает поэтических достоинств оригинала. У Лациса каждое из действующих лиц говорит характерным для его социальной среды языком. В русском переводе эти различия довольно часто стираются. Язык перевода сух и бесцветен, изобилует стилистическими несуразностями, синтаксическими ошибками. Там, где переводчик явно не справляется с текстом, особенно в описаниях природы, он опускает или переделывает образы автора. Перевод дан в сокращении, но в то же время полон отсебятин; сокращения, исправления и отсебятины искажают смысл некоторых эпизодов романа, извращают внутренний облик персонажей.

Так, например, в оригинале руководитель коммунистического подполья Силениек, выйдя из дома наедине с Жубуром, шопотом сообщает ему свой адрес; в переводе из-за сокращения оказывается, что опытный конспиратор Силениек сообщает свой адрес во всеуслышание — в компании, где находятся агенты полиции. Встречаются в переводе и грубые исторические и бытовые ляпсусы. Неточно назван даже год вступления Латвии в Советский Союз. Литературный редактор перевода К. Зелинский недостаточно внимательно отнесся к своей задаче и не сумел исправить недочеты, допущенные переводчиком.

Наша литература по праву гордится своей высокой переводческой культурой. Лучшие произведения литератур народов СССР обычно воспроизводились в русских переводах тщательно и добросовестно. Русский перевод выдающегося произведения латышского писателя в последующих изданиях должен быть доведен до подобающей высоты.

Вилис Лацис, «Буря». Роман. «Дружба народов». Книга 14. 1947 г.

Vilis Lācis. «Vētra», 1947. g. I un II s. Riga, Latvijas valsts izd. 1452 lpp.

На латышском языке вышли в свет две из трех задуманных автором частей; в русском переводе, опубликованном в 14-й книге альманаха «Дружба народов», дана первая книга первой части романа.

Новаторы колхозной деревни

Валерия ГЕРАСИМОВА

Эта небольшая книжка — всего 126 страниц — внешне ничем не может привлечь внимания. Издана она Областным ростовским издательством, оформлена более чем скромно. Название ее «Обыкновенные люди» шаблонно и, казалось бы, также не предвещает ничего интересного и свежего.

А между тем именно свежестью и новизной сильна эта неприметная, маленькая книжечка.

Имя ее автора — новое в литературе. Написал эту книгу ростовский молодой писатель Владимир Фоменко. В кратком предисловии автор рассказывает, как он, недавний участник великой войны, в июне 1946 года «с вещевой сумкой и шинелью на руке» вышел на разбитой после фашистского нашествия станции Целина Ростовской области. Не как сторонний наблюдатель, не как любопытствующий турист приехал сюда Фоменко. В Целинский район он был послан на работу. Прочно включившись в жизнь и работу района, Фоменко около года прожил в Целине, находясь в самом центре кипевшей в районе работы, сталкиваясь с самыми разнообразными людьми, с их не менее разнообразными делами. Впечатления о всем, лично виденном, молодой писатель заносил в путевые тетради. Эти записи и легли в основу его книги очерков «Обыкновенные люди».

Один вопрос больше всего волновал Фоменко с первого же дня пребывания его в Целине.

Каким образом сельский район, почти дотла разоренный немецкими захватчиками, достиг уже в 1946 году по посевным площадям уровня, установленного пятилетним планом на 1950 год?

Чем об'яснить эти успехи? — задумался Фоменко. И, лично побывав на колхозных полях, в МТС, на фермах, в садах, на пасеках и огородах Целины, он нашел точный, исчерпывающий ответ: дело в людях. В людях новой, технически оснащенной, грамотной, культурной колхозной деревни.

Им и посвятил свою книгу молодой писатель.

Девять портретов людей новой колхозной деревни об'единены в книжке очерков В. Фоменко. Автор не побоялся каждому из своих очерков дать точные и сухие заголовки: «Комбайнер Глазунов», «Табунщица Решетникова», «Животновод Шевелева», «Чабан Негреев», «Агротехник Носов»... Этими заголовками писатель как бы подчеркивает, что наиболее полная характеристика его героев заключается в их трудовой деятельности.

У Фоменко очень точное, ясное и свежее зрение. Ему, очевидцу великих событий, происходящих в колхозной деревне, нет нужды прибегать к тем готовым литературным трафаретам, которые подчас имеют место в произведениях, посвященных «деревенской тематике».

По-новому пишет автор о новых людях. Возьмем один из очерков Фоменко: «Пасечник Смирдов». Перед читателем, ознакомившимся с названием этого очерка, невольно возникает издавна бытующая на страницах многих повестей, романов, очерков, а также пробравшаяся на сцену традиционная фигура некоего благостного старичка, с кроткими глазами, с ковыльной бородкой и умильной речью.

Литературное долголетие такого пасечника просто поразительно.

Своим «Пасечником Смирдовым», — современным пасечником современной деревни, — Фоменко убивает этот обветшавший штамп.

«Перед топчаном, придерживая велосипед за руль, стоял стройный, как веточка, паренек в кубанке, лихо сдвинутой на правую бровь.

— Здравствуйте. Вы кто будете?

Я назвал себя.

— Очень приятно. Я—пасечник Смирдов...

На узком ремешке, заброшенная назад, висела планшетка, целлулоидный воротничок плотно обтягивал розовую шею. Видно, старшина любил и умел одеться с тем особым неуставным шиком, который отличает конников сверхсрочной службы».

Таков внешний облик бывшего командира отделения разведки, ныне пасечника колхозной деревни Григория Смирдова.

Но дело, конечно, не только в новизне внешнего облика. Пасечник Смирдов— один из ярких представителей новой интеллигенции в деревне. Большие горизонты раскрыты перед ним.

«— Считаете, что на пасеке клюй помаленьку? — спрашивает Григорий Смирдов. — А что мы, — старшина бросил ремешок планшетки: — что мы природу по-новому строим, этим поинтересовались?.. Например, поинтересовались, что пчелы тыщи лет роились, когда им надумывалось? Что за сколько дней до роения работали абы как: все митинговали... как в Лондоне... А теперь мы указываем природе: выделяем семьи, когда нам требуется, а не требуется — пресекаем роевое настроение... И культурную гигиену ввели пчеле: дезинфекцию, утепления, вентиляцию. И в производство ее вникли: массовым порядком ставим ей искусственную вощину!»

Смирдов мыслит масштабами великого хозяйства всей страны, он живет интересами всей родины.

«— А вы все считаете: пасека тишь да гладь...

— Вы ж не проверяли, на сколько мы выполнили план по воску?.. Проверьте... А ведь воск необходим и в авиации, и в автоделе, и в электрификации, и еще в тридцати семи производствах...»

Ощущение своей работы, как части общего великого дела, и вдохновляет Смирдова на изыскания новых, наиболее эффективных путей развития пчеловодства.

«— Все мучит меня думка: пасеки существовали, еще когда люди тележного скрипа пугались, пасеки и теперь существуют, когда самолеты управляются по радио. Раз все идет в гору, обязана ж и пасека совершенствоваться!» — горячо восклицает он.

И тут же делится своими смелыми, умными, построенными на непосредственном изучении природы, подлинно новаторскими планами.

Таков же неукротимый труженик колхозных полей, комбайнер Василий Николаевич Глазунов. Отец его, крестьянин дореволюционной деревни, «боялся согнутую фабричную ложку выпрямить». А сын вносит в комбайн новые технические усовершенствования. «У него все мысли направлены на то, чтобы придумывать, даже в пустяке что-нибудь выкапывает... Он и нас всех ругает: «Почему у вас мысль не бегучая? Надо быть хозяином даже над тем, чего еще нет, — придумывать его!» —характеризует эту особенность Глазунова работающий с ним сменщик Егор Харченко.

Эти неустанные заботы, это постоянное «придумывание» колхозных хозяев — не бесплодное прожектерство, а порожденное их производственным опытом, великое, всенародное дело. И огородник Сасов, практикующий с блестящим результатом в засушливой степной полосе опыт бесполивного огородного хозяйства, и чабан Негреев, оградивший свои отары от чесотки, и садовод Гузий, украшающий целинские голые степи виноградниками и фруктовыми садами, и «колхозный дедок», агротехник-самоучка Носов, замечательный специалист по качеству зерна, — все это те обыкновенные люди новой колхозной деревни, которые творят воистину необыкновенные дела.

Удивительно конкретно показаны автором дела обыкновенных людей колхоза. Но эта конкретность, придающая очеркам силу достоверности, не снижает подлинной поэтичности его книги. Ярок и своеобразен очерк «Табунщица Решетникова». Он посвящен молодой девушке Наташе Решетниковой. Однажды на конезаводе Целинского района автор попадает на комсомольское собрание, где принимают в комсомол «высокую тоненькую девушку с пышными светлыми волосами...» Срывающимся грудным голосом, «не зная, куда девать руки», девушка рассказывает свою биографию. Казалось бы, что общего у этой девушки с лихими табунщиками, задубленными морозами и опаленными зноем? А между тем эта девушка — табунщик. Это она об'езжает бешеных неуков и рачительно охраняет табун.

Блестящую производственную характеристику дает Наташе рекомендующий ее в комсомол «бригадир табуна»: «Коня сознает, подход к коню имеет. Хоть она и молода, но кое-чему мы поучиться у нее можем. В комсомоле быть достойна».

Фоменко несомненно обладает своим собственным, оригинальным и свежим голосом. Однако очерки его в известной степени еще эскизны. Ярко и убедительно показывая колхозных людей в труде, он все же далеко не всегда умеет дать им глубокую индивидуальную, личную характеристику. Более умелое сюжетное построение очерков также придало бы им бо́льшую стройность и цельность. Кое-где и язык очерков засорен чисто местными выражениями и словооборотами. Думается, что у автора достаточно творческих сил для того, чтобы вслед за первой книгой перейти к созданию углубленной картины жизни.

Молодой писатель стоит на верном пути, он умеет в советской деревне увидеть подлинных новаторов, показать, как их достижения становятся достоянием народа. Этим особенно привлекательна его небольшая книга.

Владимир Фоменко. «Обыкновенные люди». Ростиздат, 1947 г., 126 стр.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат —К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательства — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01119.